

Георгий Скрипкин

Страницы лет перебирая

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
С45

Скрипкин Георгий
С45 Страницы лет перебирая / Георгий Скрипкин. — [б. м.] :
Издательские решения, 2017. — 320 с. — ISBN 978-5-4483-
6402-0

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Отчего...

Отчего улыбка счастья
тербит мое лицо,
А любовное причастье
гнет фортуны колесо.

Отчего прозрачным взглядом
смотрит небо на меня
И манит — других не надо,
будем только ты и я.

Отчего на синем небе
вижу звезды в ясный день
И, купаясь в сладкой неге,
напеваю дребедень.

Благодарность женщине

Я женщине премного благодарен
За мудрый взгляд с наивной поволокой,
За щедрость быть и близкой, и далекой,
За свет души, что никогда не старит.

Я слился бы без женского участия,
В житейских дебрях мог бы затеряться.
Пусть не корит меня мужское братство,
Но нет без женщины целительного счастья.

Я не люблю

Я не люблю, когда звонок мой без ответа,
Когда окошко не горит приветным светом,
Когда затоптана знакомая тропинка,
И светят звезды в небесах на половинку.

Я не люблю, когда сверлят холодным взглядом,
Когда в улыбке не видна бывшая радость,
Когда горчит нектар хмельного поцелуя,
И превращается общение в шутку злую.

Я не люблю, когда насилуют терпенье,
Когда сминают рифмы чувств без сожаленья,
Когда сжигаются мосты влюбленных судеб,
И тот, кто ведает страстями, неподсуден.

Вокзал, перрон, вагон

Вокзал, перрон, вагон — тревожное звучанье.
Оно долбает мозг бессмысленной игрой.
Насилюя тебя, такое сочетанье
Сплетается с моей растрепанной судьбой.

И нам не победить подобное насилие.
Ты жалуешь Москву, я верю в Петербург.
Как жаль, что мы любви у бога попросили,
Но скорым поездам доверили судьбу.

Взгляд, цветущий ожиданием

Когда в дому встречает взгляд,
цветущий ожиданием,
Тогда дела идут на лад
в период испытаний.

Тогда коллизия задач
решается с задором.
И перспектива неудач
за песенным забором.

Тогда сбываются мечты
без лишней проволоочки.
И нет ненужной суеты
и временной отсрочки.

Тогда мелодия любви
ласкает наши души.
Биенье сердца улови,
прижмись и молча слушай.

Не ищи, а люби

На сердце женском не ищи прорехи,
В которой тень невысказанной тайны.
Пусть будет в жизни женщина желанной
Не для безумства призрачной утехы.

И в женском взгляде не ищи боязни,
В ее глазах купайся с умилением.
Ее господь создал своим твореньем
Капризной неги, страсти и соблазна.

В коварстве женском не ищи подвоха.
Оно несет игривую наивность.
Не осуждай за данную провинность,
А зацелуй до чувственного вздоха.

И не спеши корить непостоянством
В порыве вспышки ревности безликой.
Прими ее восторженную личность,
Люби за сердце, взгляд и за коварство.

Тобой не дорожу

Тобой не дорожу, тебе не доверяю
Распахнутый альбом просроченной судьбы.
В разреженной тиши сижу и проверяю
Последние штрихи законченной любви.

А дождь стучит в окно настырно и беспечно,
Лишь только для меня наигрывая блюз.
Когда-то под него с тобой стремились в вечность,
Но вечность прервала нахлынувшая грусть.

Я чувства не храню за облаком разлуки,
И прошлая любовь подобна миражу.
Но тянутся к листам стареющие руки.
Как жаль, что я тобой совсем не дорожу.

Общение с морозом

Испив с твоей груди нектару,
Я вышел в розовый восход.
Ругал мороз меня за старость,
За то, что я блудливый кот.

А я глотал морозный лепет,
Мурлыкал песню про любовь.
И вспоминал приятный вечер,
Что разогнал шальную кровь.

Ну что поделать, если старость
Меня с испугу обошла.
Я ей оставил только малость
Приятной неги и тепла.

Я ей оставил..., впрочем, хватит
Бросать бесценные слова.
Мороз довел меня до хаты,
Прощай, седая голова.

Багряно-огненный закат

Багряно-огненный закат
Высвечивает запад.
А я ему совсем не рад,
Душа готова плакать.

Душа готова голосить
По взорванному братству.
И правды не с кого спросить,
Сплошное святотатство.

Сутану кровью окропив,
Выпрашивают ружья.
Звучит единый лейтмотив,
Войной сменяют дружбу.

Смешались ложь и беспредел
В убийственном экстазе.
Творцов совместных добрых дел
Как будто кто-то сглазил.

Как будто не было веков
Славянского единства.
Следы заморских ходоков
На теле обелисков.

Шальные мысли

Шальные мысли лезут в душу,
Покоя нет.
Стеляют ложью прямо в уши
На мой ответ.

Накрыта дымной пеленою
Земля друзей.
Картину с будущей весною
Снесли в музей.

И от разрывов нервы рвутся,
Горят сердца.
Без мамы дети остаются
И без отца.

Инверсионные следы

Я зачарованно смотрю на небо голубое.
Меня свободой манят инверсии следы.
И разливается во мне прелюдия покоя,
И раскрывается пейзаж небесной красоты.

Покой на крыльях мне несут серебряные птицы.
Они без усталости хранят простор моей земли.
Их провожают в дальний путь вечерние зарницы.
И слышу я, как их зовут курлыки — журавли.

Милый мой

Милый мой — какое сочетание!
Сколько нежности несут твои слова.
В них грустит просроченность желаний,
И от них теперь кружится голова.

Как я ждал ответного порыва,
Не надеясь на целительный исход.
Но посланник — голубь сизокрылый
Дивной прописью украсил небосвод.

Я держу в руках твою открытку
С голубою, чудодейственной канвой.
Для меня ценней золотого слитка
Пару строчек со словами «милый мой».

Позднее признание

Прости меня, мой милый человек,
Но прежнюю любовь не похоронишь.
Я ей оставлю свой короткий век,
И в чувствах тех нет места посторонним.

В них солнечное место для двоих
С заранее оплаченной плацкартой.
Ты слышишь, даже колокол затих,
И ветер не тревожит божьей карой.

Ты видишь, как горит мой нежный взгляд
При виде долгожданного посланья.
Я каждой букве несказанно рад.
Прости за это позднее признание.

Признание

Завалил осеннюю распутицу
Озорной, ретивый листопад.
Только б говорить и не запутаться,
Только бы не ляпнуть невпопад.

И мечтаний дверца открывается,
Теребит желание любви.
Вижу, твое сердце откликается
На признанья робкие мои.

Но лукаво солнце улыбается,
Разогнав собрание облаков.
В чистой раме небесов читается —
К испытаниям, милый, будь готов.

Стон души

Молчанья час страшной словесной пытки.
Ты обругай меня, но только не молчи.
Ну, дай мне шанс, позволь еще попытку,
Я не хочу терять от нежности ключи.

И видит Бог, что нет такой ошибки,
Которой можно зачеркнуть роман любви.
Послушай стон моей душевной скрипки
И, распахнув свои объятия, позови.

На кладбище

Кладбищенская тишь под белым снегом.
Безветрие уселось на кресты.
Как долго у родной могилы не был.
Как выросли печальные кусты.

Твой образ на заснеженном граните,
Церквушка и березка под бочком.
И небо — целомудренный хранитель
Ласкает землю солнечным лучом.

И даже говорливая ворона
Притихла на березовом суку.
Я здесь для этой птицы посторонний,
Мне с ней не разделить свою тоску.

И только вислоухая собака
Заглядывает преданно в глаза.
Посланница от мусорного бака,
Уныния бродячая слеза.

Давай же выпьем, в память об усопшей,
Давай же выпьем, пес, за упокой.
Сегодня день кладбищенский, особый,
Сегодня память чувствует непокой.

С добрым утром, любимая

С добрым утром, любимая,
с добрым утром, любимая.
До чего же сердечные
и простые слова.

Расцвело небо синее,
стали люди терпимее.
И весенняя музыка
завелась в головах.

Улыбается солнышко
на приветствие нежное.
И тепло разливается
по душевным волнам.

И шагают прохожие
по оттаявшей снежности
К светлой гавани радости,
к просветленным мирам.

Я пишу...

Я пишу свои стихи не по заказу,
Я слагаю по велению души.
И красивее души, порой, не скажешь.
Прелесть рифмы нужно сердцем пережить.

Есть творения всего единой фразы,
Но которая значимей сотни слов.
Есть поэмы, что слагаются не разом.
Я такие не всегда писать готов.

Вдохновляют меня невосские пейзажи.
Будоражит Петропавловский собор.
Утоляю поэтическую жажду
Родниковым звоном Кавголовских гор.

И в сознании рефреном отдается
Ярославская певучая земля.
И несут меня шальные иноходцы
В поэтические щедрые поля.

Твой образ

На сумрачном небе, в орнаменте туч
Твой образ прелестный явился.
Он мне улыбался с заоблачных круч,
А я несказанно дивился.

И мне показалось, что это к добру,
Что это послание свыше.
Я песенный том осторожно беру,
Читаю, а ты меня слышишь?

А ты понимаешь открытость строки
С биением чуткого сердца?
В той рифме прозрачность таежной реки
И стройность застенчивой серны.

В ней бурные волны любовных страстей
И скуки печальная гавань.
Но нет чужеродных и лживых сластей,
И острых клыков волкодава.

...И ты озаряешь меня с высоты
Сияньем открытой улыбки.
Я с чувством вбираю заряд чистоты
И нежности скромные блики.

Милой женщине

Я милой женщине готов слагать поэмы,
Вплетая в строки изумрудные слова.
Роняя жемчуг в восхитительные темы,
Готов скрижали золотые целовать.

Готов отдать свое чувствительное сердце
За светлый взгляд ее пылающих очей.
Готов хранить свою любовь до самой смерти,
И не скупиться на безудержность ночей.

После 8-го марта

Я предлагаю учредить
Международный женский месяц.
За день не спеть хвалебных песен
И женской ласки не испить.

А лучше сделать женский год
С запретом ссор и испытаний,
С прекрасной музыкой желаний,
С любовным таинством свобод.

А лучше... как же коротка
Строка весеннего соблазна.
Прошел любимый женский праздник,
Завяла сказочность цветка.

Прощание в дождь

На перроне вокзала я с тобой не один,
Беззастенчивый дождь ускоряет разлуку
И мешает прощанью, словно твой господин,
И промокшее счастье берет за услугу.

Обласкав поцелуем, ты уходишь в вагон.
Я ищу милый взгляд, чтоб вложить его в память,
Но заждавшийся поезд покидает перрон,
Заглушая слова озорными гудками.

И, насилуя душу, дождь смывает следы,
А с обветренных губ забирает твой запах.
И насытившись солью одинокой слезы,
Он спешит по перрону за тобою на запад.

Отблески любви

Я вижу отблески любви
В явлении восхода.
Меня пленяет чудный вид
И с песней жить охота.

Играют отблески в лучах
Улыбчивого солнца.
Они несут счастливый час —
Любовь испытать до донца.

Я слышу отзвуки любви
В журчании горной речки.
Скорей подругу позови,
Ласкай певучей речью.

Сияют звезды в небесах,
Подмигивают парам.
Вкус поцелуя на устах,
И ночь прошла не даром.

Дочурка

Смотрю на взрослую дочурку
И четко слышу лепетанье.
Как будто детские мечтанья
Вернулись в тесную конурку.

И я опять держу на ручках
Сопящий маленький комочек,
И напеваю песню ночи,
Прижав к груди на всякий случай.

...В глазах застывшая слезинка
Туманит прошлую картинку.
Сидит со мной моя кровинка,
А взгляд ее колючей льдинкой.

Нелепейший вопрос

Я счастлив или нет — нелепейший вопрос,
Но он грызет меня с настырностью кликуши.
А я в пылу страстей до сути не дорос,
И вынужден терпеть, и беспрерывно слушать.

Грозит моей судьбе навязчивым концом,
Несет мой идеал по замкнутому кругу.
Приходится служить подопытным юнцом,
И жертвенность вверять всевышнему, как другу.

И жертвенно любить судьбе наперекор,
И жертвенно искать ненужные ответы.
А счастье тербит мой жизненный простор
И нехотя несет печальный вздох по свету.

Если б не было любви...

Если б не было любви,
я б ее придумал
И любовным естеством
многих надоумил.

Разбросал бы по дворам
радость поцелуев,
И открытые уста
предоставил людям.

Я прошелся бы с сумой
на земной пирушке
И с волнением раздавал
страстные игрушки.

Все любовные дела
заключал бы в небе,
Ну а ссоры и печаль
переправил в небыль.

Знаю, истинной любви
много не бывает
И от ласки озорной
даже льдинка тает.

Как трудно осознать...

Как трудно осознать,
что тело не бессмертно,
Еще сложнее понять,
веление души.

Храни душевный вздох,
храни до самой смерти
И чувственности суть
не меряй на аршин.

Дари свою любовь,
не требуя награды,
Поддерживай огонь
заждавшейся души.

Для вестника добра
сомнения — не преграда,
А ждущему добро —
оттаявшая жизнь.

Водная феерия

Холодный ветер улетит,
а солнышко придет.
И нам никто не запретит
нырнуть в глубины вод.

Обнимет нежная волна
слиянье наших тел,
И схороводится до дна
любовный беспредел.

Но нас не выбросит прибой
за страстную любовь.
Ему приятней непокой
в общении с тобой.

А наигравшись в неге вод,
мы выйдем на песок,
И повенчает небосвод
нас в неурочный срок.

Деньги...

Деньги, деньги, деньги
правят этим миром.
Поступь вырожденья
величают пиром.

Деньги, деньги, деньги
драят жерла пушек,
Тех, что множат тени
вечных побирушек.

Деньги, деньги, деньги —
признак непокоя
Или супердело
алчного разбоя.

Деньги, деньги, деньги —
властный жезл на блюде.
Мы пока не звери,
но уже не люди.

Женщина — мечта

Любимой женщине, далекой, недоступной,
Портрет которой я храню в своих мечтах,
Я посвящаю большинство своих поступков
И растворяюсь в ее призрачных годах.

Я к ней иду непроторенною дорогой,
Спешу поведать свои лучшие стихи
Той, что доселе остается недотрогой.
Мне муки творчества приятны и горьки.

Она манит меня лукавою улыбкой,
И я бросаюсь в омут чувственных утех.
И мне не кажется таинственным и зыбким
Любовных радостей застенчивый успех.

Тоска

Как хочется к груди прильнуть,
испить твоей любви.
Тебе на верность присягнуть,
и нежность уловить.

Но угасающий закат
глядит в мое окно.
Он, словно старый панибрат,
с разлукой заодно.

И мне не вырваться из пут
нахлынувшей тоски.
Она впилась, как злобный спрут,
и муки не легки.

Она грызет мое нутро
кричащей прозой чувств.
И строго требует оброк,
а я опять молчу.

Хвори

Какой злодей придумал хвори,
А к ним страдание и горе.
Не может добрый человек
Прийти с болезнью в этот свет.

Не может гордая натура
глотать без усталы микстуру
И слушать вечный приговор —
У вас понос или запор.

Грядет обширная ангина,
А, может, корь и скарлатина.
А вы готовьтесь в лазарет,
на секс и водочку запрет.

И так по чьей-то злобной воле
летают вирусы и хвори.
Надрывно кашляет земля,
А с нею кашляю и я.

На погосте

У обочины погоста
холмик выцветшей земли
Словно старая короста,
что забыли исцелить.

От протоптанной тропинки
не осталось и следа.
Только кашки, да травинки,
да отсутствие стыда.

Замурованная память
прорастает васильком.
Что же стало люди с нами,
почему все кувырком?

Почему ветра забвенья
иссушили божий дар,
А источник отреченья
превратил огонь в пожар?

И кружит над той коростой
черный ворон забытья.
И лежат великороссы
под покровом ковыля.

Я завидую белой завистью...

Я завидую белой завистью
кораблям, бороздящим небо.
Я бы бросил без всякой жалости
парниковых объятий недра.

Я б взлетел над полями вешними,
пролетел над любимым краем,
Стал бы добрых желаний вестником,
поделился б судьбой с мирами.

Но Земля не спешит расслабиться,
притяжение волнует душу.
А небесная дева хлябями
мою искру желанья тушит.

Культурный беспредел

Долой цензурные вериги,
Даешь свободу бытия.
Чем плохи голые интриги,
Страшны ли голые тела?

Не будет жажда вольнодумства
Единой совести служить.
Былого хочется без думы,
Героя нужно без души.

Гудит российская культура
О пользе, целях и вреде.
Иные злобствуют в натуре,
Другие строят беспредел.

И все цепляются за Бога,
И тычут божеским крестом.
И только совесть — недотрога
Укрылась фиговым листом.

Душе моей

С душой своей поговорю,
душе своей поплачусь.
Я ей свободу подарю
и зрение в придачу.

Лети, лети, моя душа,
по замкнутому кругу,
Стремись историей дышать
и петь родному другу.

Над Волгой — матушкой моей
раскидывай приветы.
Я там провел немало дней,
и там искал ответы.

А на церковную главу
с почтеньем поклонись ты.
И возвратись, как позову,
и с телом примиришь-ка.

Как хорошо...

Как хорошо, когда тебя читают,
когда тебя не рвут на перекур
И не серпом творение листают,
и не гнобят в компании местных дур.

Как хорошо, когда твое творенье
находит место в юных головах
И разбивает камень преткновенья
в кричащих болью, раненых сердцах.

Как хорошо, когда весенним утром
Твои поэмы светят с облаков.
И день восходит радостным и мудрым
с призывной трелью песен и стихов.

Как хорошо, когда смурные лица
вдруг освещает прелестью добра,
И чисто поле рожью колосится,
и не спешат коровы со двора.

Как хорошо творить и наслаждаться
людским стремлением к созданным строкам.
Поэту трудно с публикой общаться,
когда не зрит внимания к стихам.

Школьная дружба

Школьная парта, школьная парта
Скромный источник наших побед.
Собраны книги, свернута карта,
Только укрылся малый секрет.

Мы разлетелись в дальние дали,
В память оставив школьный альбом.
Сколько же, братцы, мы не видались,
Сколько же встреч берегли на потом.

Здравствуй, Наташка, где твои косы,
Где светлый чубчик, друг мой Сергей.
Что-нибудь слышно о рыжем Косте,
Выпей за Пашку и снова налей.

Вальс откровений вихрем закружит,
В миг пронесутся классы-года.
И возродится школьная дружба,
Дружба, которой быть навсегда.

Поэтический мрак

С душой по-юношески пылкой
врываюсь в сферу бытия.
Встречают постные ухмылки,
да мрак морального битья.

Бросают гневные рулады
в копилку праведных речей.
И дышит творчество на ладан
под тенью гаснувших свечей.

Плюют на сгорбленную Музу,
пытают сборники стихов.
Поэта делают обузой
для юных дев и стариков.

С добрым утром, милый друг

С добрым утром, милый друг,
с добрым утром, светлый ангел.
Без твоих очей вокруг
все тоскливо и печально.

Только речка у плетня
беспричинно говорлива,
Да кричит на склоне дня,
то ль сирена, то ли дива.

Даже ночь уже не та,
если звезды светят тускло.
И на лунные цвета
не могу смотреть без грусти.

Возвращайся поскорей,
раззадорь хмельную душу.
Я без пламенных речей
буду сердце твое слушать.

Чистый четверг

Четверг сегодня чистый по-весеннему.
Лучится день под солнечным приглядом.
Наполнен воздух птичьим песнопением,
И облаков прозрачность шита гладью.

И даже ветер с чистыми посылами
Качает кроны солнечных деревьев.
И горсть тепла несут его посыльные,
И воспевают солнечное время.

И чистота в поступках и желаниях,
И чистый взгляд ласкает все живое.
И отступают боли и страдания,
И белый голубь вырвался на волю.

Мысленный сумбур

Не много ли я думаю о смысле
людских поступков, лозунгов и слов.
Смятение дум меня уводит в мысли,
которых я осмыслить не готов.

В которых я плутаю, как отшельник
и, как слепой, стараюсь не прозреть.
Мне лучше пить сомнений робкий шелест,
чем все принять, понять, и умереть.

Мне лучше стать надгробием над бездной,
чем в чреве бездны сгинуть навсегда.
Мне лучше быть частичкою созвездий,
чем прокаженной серой массой дна.

Обращение к солнцу

Солнце, брось ты этот ветер,
Не дружи ты с сорванцом.
Пусть он сам за все ответит
И уйдет в казенный дом.

Разве можно изгаляться
Над природою вещей,
В вельзевула превращаться
И насиловать людей.

Ветроудйные проделки
Здесь сегодня не нужны.
Нам с тобой приятней сделки,
Так что властвуй до луны.

Пасха, пасха...

Пасха, пасха — светлый праздник.
День воскресшего Христа.
Прелесть праздничных соблазнов
Раздается неспроста.

За яичным изобильем
Пирамиды куличей.
Гору яиц били, били,
Сговорились на ничьей.

Ели сладкие кусочки
Причастившись чабрецом.
Хорошо б набраться мочи,
Чтоб не сгинуть под венцом.

Больно сдобные молодки
Угощают куличом.
Поцелуй хмельнее водки,
И не вспомнишь, что почем.

Разноцветные наряды,
Оголенные сердца.
Продолжайся светлый праздник
До счастливого конца.

Колокольный звон

Я наслаждаюсь звоном колокольным
И говорю друзьям — Христос воскрес
Я становлюсь простым и сердобольным,
А мне в ответ — Воистину воскрес.

Ласкает звон обиженных и сирых,
Вселяет звон решимость в души робких.
Когорту слабых наделяет силой,
Освобождает страждущих от рока.

И я готов нести частицу звона
Чужой судьбе, прикованной к постели.
Не убоюсь вычерпывать зловонье
Из ненасытной ненависти тела.

Сатанинское отродье

Куда ни глянь, глаза рвачей.
Куда ни кинь, одни хапуги.
Им дела нет до мелочей,
Они большой корысти слуги.

Им наплевать на зов страны.
У них нутро пропахло взяткой.
Они — отродье сатаны
И потому до денег падки.

Они плюют на долг и честь.
Они грешат под звон валюты.
Их грязных дел не перечесть.
Они страшней, чем ворог лютый.

Нас было четверо...

Нас было четверо друзей из лона детства.
Была одна у нас мечта, одно наследство.
Мы не летали в облаках корыстных далей
И слишком денежного рабства не видали.

Мы восхищались полноводьем русской Волги
И оставляли берег детства ненадолго.
А окунувшись в ее медленные воды,
Мы не пытались кланяться у моря погоды.

И нам не грезились, что есть другое счастье,
А то делилось нами на четыре части.
И расцветало наше преданное братство,
И мы готовы были за идею драться.

Но жизнь сложнее, она разводит наши судьбы,
Пытает разум, оставаясь неподсудной.
Ломает символы бредовой перестройкой
И заливает мысли западным отстоем.

Из четырех остались вместе только двое,
Других смахнуло лихолетье наносное.
Ни велика ль цена издевок над страной?
А, может, было все не так, и не со мною?

Не нужно о смерти думать...

Не нужно о смерти думать,
не стоит кончину ждать.
Смени гардероб раздумий
на мантию созидать.

Сверкни оживленным взглядом,
доверься благим мечтам.
Подбадривай тех, кто рядом,
не злобствуй на тех, кто там.

Иди за своей Жар-птицей,
делись озорным теплом.
Мечты нелегко добиться
в клоаке, кишасей злом.

И скорбь покорится силе,
вращенной твоим огнем.
И струнами станут жилы,
и песня украсит дом.

Разговор с мамой

Рукой ласкаю твой портрет с цветком бегонии.
Тебе на фото столько лет, как мне сегодня.

Печалью тронуты глаза с налетом скорби.
Они пытаются сказать о страшном горе.

Я этот взгляд уже видал в далеком прошлом.
Тогда значенья не придавал за всем хорошим.

И вот теперь молю судьбу — верни наследство.
Махры сознания береблю, выпадаю в детство.

Но только памятью своей беду не смоешь.
И недосмотр минувших дней уж не замолишь.

Прости меня за ту печаль и невниманье.
Я рад бы заново начать со словом «мама».

Парк развлечений

Приветствую парк развлечений
И там окунаюсь в радость.
Приятных улыбок свечение —
Задорного счастья кладезь.

Там риском питается воздух,
Там взрослость впадает в детство.
Там сердце колотит тревожно
От очень скромного действия.

От прелестей аттракционов
Там спрятаться невозможно.
И каждый себя чемпионом
Считает за взятую сложность.

Гнет одиночества

Безлюдной улицей иду
и тишину глотаю.
Шепчу бессмыслицу в бреду,
но слов не понимаю.

Манят игривые огни
зашторенных окошек.
За ними люди не одни,
к ним льнут хотя бы кошки.

А я — изгой бреду в амбар
ночного одичанья.
Я трезвым разумом не стар,
но нет того звучанья.

Хрипит тоской моя гортань,
надорваны регистры.
Начать бы с чистого листа
с размахом живописца.

Я готов...

Я готов быть джинсами на теле
Ненаглядной женщины моей.
Я готов быть жертвою в постели
И дышать любовью только с ней.

Я готов сгорать и возрождаться
Под ее ласкающей рукой.
Я готов мечтаньям предаваться
И творить поюще строкой.

Я готов..., но сердцу не прикажешь,
И огонь бензином не зальешь.
Стать влюбленным быть готов не каждый.
Иногда влюбленность — это ложь.

Подарок

Подарок, лучший из подарков
от нежной, солнечной души.
Я слушаю с тоской и жаром,
и плач не в силах заглушить.

Наводит грусть тальковский голос,
но это искренняя грусть.
А сердца памятный осколок
тревожит старческую грудь.

Всплывает вновь твой милый образ
и тень застенчивой слезы.
Я так хочу увидеть снова
твои заветные следы.

Я так хочу услышать счастье,
прижав любимую к груди.
И будет нежное участие
светить на жизненном пути.

Время

Ах, время, время, как же ты строптиво.
Я твой галоп не в силах обуздать.
Тебя не может взять моя учтивость,
И добротой тебя мне не унять.

Повремени с безрадостным отсчетом,
Дай насладиться прелестью весны.
Не тереби злопамятные четки,
Не приходи в рождественские сны.

Тебя прошу, нет, просто умоляю,
Смени на рысь неугомонный бег.
А я в тиши молитву дочитаю
И завершу свой жизненный обет.

Налейте в фужеры

Налейте в фужеры
хмельного вина.
Мы больше не жертвы
подсудного дня.

Давайте подыдем
наш дружеский тост.
За жизненный стимул,
за пройденный пост.

Давайте накроем
былую печаль
Торжественным слоем
веселых начал.

И счастье прорвется
сквозь мрак пелены.
И солнце вернется
в объятия весны.

Банька

Банька деревенская с веничком пахучим.
Вряд ли кто откажется на день быть везучим.
Разве с водкой парятся, экое кошунство.
Вытирай испарину и до нас не суйся.

Подналей на камушки хвойного настоя,
Чтоб до самой пятницы не было простоя.
Чтоб всегда хотелось женского участия,
А от тела грязного не бывает счастья.

Похлещи-ка веничком до седьмого пота,
Пусть сегодня празднует банная суббота.
Отдохни, побалуйся вяленой плотвою,
Да не сухо — на сухо, а с душой пивною.

Охладись маленечко, да опять в парную,
Я тебя без веничка паром зачарую.
Век бы в баньке парился, да не хватит пота,
И по понедельникам ждет меня работа.

Эх, рыбалка ты, рыбалка

Эх, рыбалка ты, рыбалка,
незаплеванный крючок.
Нынче времени не жалко,
где удачный червячок?

Подавай, приятель спиннинг,
на прикормку не скупись.
Не жалея больную спину,
побойчее развернись.

Приготовь большой подсачник,
ишь как тянет поплавок.
Ну, какой же неудачник,
сом пустился наутек.

Под водой про нас расскажет,
рыба в заросли уйдет.
И опять с перловой кашей,
без ухи пикник пройдет.

Ты — хорошая женщина

Ты — хорошая женщина,
по которой тоскую,
И какой в одиночестве
я портреты рисую.

Но дождавшись свидания,
утопаю в сарказме
И надеюсь на ласковость
только в пьяном оргазме.

За душою открытою
укрывается слабость.
От веселья кабацкого
не случается радость.

За глазами искрящими
агрессивная сущность.
И уводит похмельное
из хандры в беспробудность.

Голуби

Садятся голуби под ноги,
а мне их нечем покормить.
Пытаюсь с ними говорить,
они безмолвствуют, как боги.

И только топчутся в ногах,
как будто ищут утешенье.
А я опять про всепрощенье,
и все в лирических тонах.

Но их лиризмом не возьмешь,
они прощаются с укором.
Их ждут небесные просторы
и солнца жизненная мощь.

Я поднимаю к небесам
свою одрябшую десницу.
Спешу закатом насладиться,
но солнце лупит по глазам.

Почему я такой...

Почему я такой непутевый?
Почему бесшабашный такой?
То к соблазнам рисковым готовый,
То хандру заливаю тоской.

Иногда не хватает пространства
Для моих неразборчивых дел.
Но порой ухожу в постоянство,
Потому что такую хотел.

И живу, околдованный страстью,
В удалений от прошлых утех.
Кто-то видит в том вечное счастье,
Я же вижу минутный успех.

И бросает меня бесшабашность
В новый омут житейского дна.
Ну, когда же снесет мою башню
Та любовь, что бывает одна.

Тихая нежность

Я дарю тебе тихую нежность.
Разве может быть нежность шумливой.
Я несу тебе лучик надежды
По-отечески, неторопливо.

Не спугни это тихое чувство
Децибелами громкого слова.
Не живи ожиданием предчувствий,
Не бери наговор за основу.

И питайся у мудрой природы
Разноцветием жизненных красок.
Настоящие чувства свободны
От восторгов ненужной огласки.

Посмотри, как колышутся ветви
На вершине печальной березы.
Это делится нежностью ветер,
Удаляя холодные росы.

И приветливый солнечный лучик
Скромно радует нежным касаньем.
Эти чувства — не разовый случай,
Это искры ответных желаний.

Пожелание долгих лет

Долгих лет пожелал мне приятель
Во знамение прожитых лет.
С той поры я несу сей завет,
Воспевая такую приятность.

Пусть и призрачно то пожеланье,
Только время — не сказочный рай,
И не нам бранный срок выбирать,
Выражая пустое желанье.

Упуская приличные гранты,
Я стараюсь не видеть дилемм,
И под спудом житейских проблем
Не копаюсь в душевном пространстве.

Но порой, посетив захолустье,
Убеждаюсь, как годы летят.
И не в силах вернуться назад,
Проповедую тихое устье.

Прости, Нади...

Прости, Нади, меня, прости.
Не сохранил я наши чувства.
Умерь проклятья, уходи,
Я не сочту то за кощунство.

В разрыве нет твоей вины.
Во всех грехах лишь я повинен.
Сбылись заманчивые сны,
Пришло подобие поминок.

Один единственный сюжет
Измазал дегтем всю картину.
Ожил недвижимый скелет
Под плотным слоем паутины.

Но разве мог предвидеть я
Интригу сдобного коварства.
Я не смогу простить себя
И не хочу искать лекарство.

Борзовеющая старость

С годами старость борзовеет,
То тут кольнет, то там болит,
То подошлет радикулит
Или безудержно потеет.

Я, подключив хмельную бодрость,
Пытаюсь старость приструнить.
А мне б пройти сосновым бором,
К березе душу притулить.

А мне б умчаться в чисто поле,
Пройтись по травке росяной.
Земля уймет хандру и боли,
Зальет в мое сознание новь.

А мне б, а мне б — сплошные грезы,
А сам насилую диван.
А где-то юные березы
Даруют солнцу стройный стан.

Поэт и пенсия

Поэт и пенсия — абсурдность сочетанья.
До дней последних рифму дарует поэт.
И в рифме той его минуты состраданья,
И на вопросы зарифмованный ответ.

Та рифма делает несчастного счастливым
И увлажняет благодарною слезой.
От рифмы недоросль становится пытливым,
И жизнь выводит в люди белой полосой.

Поэта рифма заставляет сердце биться
И вдохновляет на великие дела.
Кому-то хочется безбашенно влюбиться,
А кто-то видит в рифме нужные слова.

И поэтическая рифма не позволит
Сложить все это в пенсионный саквояж.
Да и поэт расстаться с рифмою неволен
Пока не кончен его жизненный вояж.

Сомнения

Меня все чаще мысли навещают,
Грызут сомненья, так ли я живу.
Сминаю лесть, не лгу, не пресмыкаюсь
И упиваюсь честью наяву.

А, может быть, смотреть на жизнь попроще,
Не истязаться жертвенным огнем
И не ходить с поэзией на площадь,
И не стоять все время на своем.

А, может быть, сомнениям отдаться
И покориться низменным мечтам.
Хотя б на время с принципом расстаться
И не глядеть, а что же будет там.

Нет, не могу на старости сломаться,
Не для того я правду воспевал.
Не для того меня рожала мама,
Чтоб я за злом обьедки подбирал.

Я соберу сомнения в охапку
И на огне без жалости спалю.
Не протяну для милостыни шапку,
Не посрамлю фамилию свою.

Дворник

Дворник шаркает метлой
как много лет назад.
Прерывает мой покой,
но я безмерно рад.

Он следит за чистотой
во вверенном дворе.
Я машу ему рукой
и делаюсь добрей.

Вспоминаю, как тогда
я дворнику махал.
В те далекие года
я был, конечно, мал.

Просыпаясь по утрам,
выглядывал в окно,
Улыбался небесам
и солнцу заодно.

Есть женщины

Есть женщины, что хочется общаться,
Писать о них хвалебные статьи.
Без робости к беседам возвращаться
И не искать обходные пути.

Есть женщины, что хочется отдаться
И подарить мгновения любви.
А через час бесхитростно расстаться
И безвозвратно вскоре позабыть.

Есть женщины, что хочется прижаться
И затаиться в ласковых руках.
Душой и телом с ними воскрешаться,
Благодарить потом издалека.

Есть женщины, что хочется приблизить
И никогда потом не выпускать.
Стараться грубым словом не обидеть,
А просто жить, любить и созидать.

Есть женщины, к которым прикасаться
Не подтолкнет веление души.
На них дано смотреть и восхищаться,
Чтобы немой восторг не заглушить.

Счастье

Я вижу счастье в твоих глазах
И с этим взглядом я тоже счастлив.
Меня волнует твоя слеза,
Я предлагаю свое участие.

Твоя улыбка и каждый жест
Вселяют в сердце частицу счастья.
Я не считаю за тяжкий крест
Сберечь тебя от волны ненастья.

Моих эмоций не описать,
В любви не ценится говорливость.
Душой открытой хочу сказать —
Живи с улыбкой и будь счастливой.

Восток

Восток, таинственный Восток
С луной на шпилях минаретов.
Какой естественный восторг
Я испытал прошедшим летом.

Восточных сладостей туман
Окутал бледное сознание.
Сплелись наивность и обман
Во мгле ночных очарований.

Из недр дородной паранджи
Струился взгляд прекрасной дивы.
Но постучаться в эту жизнь,
Не дал сценарий детектива.

Пришлось любовную халву
Сменить на горькое похмелье.
Но если снова позовут,
Я пригублю Востока зелье.

Стареющий поэт

Поэт, стареющий поэт
присел в саду под крону клена.
Он стал листать поэму лет,
когда любил и был влюбленным.

Мелькали лица, города
и экзотические страны.
Струились песенно года,
в которых грусть казалась странной.

В которых с творческим вином
пилась любовная микстура.
Когда в запев с кабацким дном,
судьба считалась бабой-дурой.

Когда влюблялись навсегда
и разбегались по утрянке.
Бежали годы, как вода
из чрева жизненной полбанки.

И вот теперь сидит поэт,
листает скомканные годы.
Его последний менуэт
навряд ли сделает погоду.

Я куда-то улетаю...

Я куда-то улетаю вместе с ветром.
Я рапсодию слагаю вместе с громом.
И безудержно люблюсь белым светом
Словно прибывший из ада посторонний.

А виной всему открытая улыбка.
Не виной, а будоражащей причиной.
Наше счастье было призрачным и зыбким,
А теперь долой унылая кручина.

А теперь долой контуженые чувства.
Раззудись плечо решительных деяний.
Расставаться с одиночеством не грустно,
А с надеждой не предвижу расставаний.

Южная ночь

Ночной прохлады полотно
свалилось на жару.
Мое распахнуто окно
в любовном вечеру.

Меня пустилась лобызать
дрожащая краса.
И россыпь звезд на небесах
творила чудеса.

Ах, эти южные миры
с соблазном наяву.
Спасибо полночь за дары,
что с наслаждением пью.

Спасибо полночь за интим,
поддержанный волной.
Процесс любви необратим
с тобою и со мной.

Месяц

По доброте душевной
ты тело раздаешь,
А месяц — вечный евнух
тебя не предает.

Он нехотя взирает
на похотный угар
И с болью утверждает,
что стар, что очень стар.

Он мысленно торопит
заспавшийся рассвет.
И чаевых не просит
уж много-много лет.

А ты не замечаешь
его душевных ран.
С улыбкой привечаешь
предутреннюю рань.

Любовь в дыму

Как хочу я из губ твоих вырвать
сигарету, дымящую спесью.
Почему никотиновый ирод
соблазнил тебя горькою лестью?

Затяжная вонючая горечь
разбавляет нектар поцелуя.
Отравляет и в радость, и в горе,
доставляя медвежью услугу.

Я любовью пытаюсь отвадить
от привычки к никчемному зелью.
Но с настырным соблазном не сладить,
если ты не проявишь усердье.

Жанна

Взорвался скорбью интернет —
А Жанны нет, а Жанны нет.
Скорбит народная печаль.
Судьбой поставлена печать.

И надрывается экран.
Угас улыбчивый талант.
А где-то тихая слеза
Туманит добрые глаза.

И нескончаемая грусть
Нависла как тяжелый груз.
Эстрады ценный амулет
Покинул нас в расцвете лет.

А жить прекрасно...

А жить прекрасно в этом мире.
Вот только б не было войны.
Зачем стрелять, когда в эфире
Звучит биение струны.

Зачем бомбить, когда в колясках
Лепечет жизнь на голоса.
И нам нужней сегодня сказка,
Да по весне цветущий сад.

Сегодня нам нужнее дружба
И мира полная река.
Долой никчемное оружие,
Да будет чистая рука.

Да будет разум человека
Вершить правление Землей.
Тогда любовь и Божья вера
Не погребутся под золой.

Ты и отражение

Ты доверяешь свои тайны
бездушным зеркалам
И повторяешь неустанно —
его я не отдам.

Но озорное отраженье
не жалуется каприз.
Ему претит твое прошение,
подумаешь сюрприз.

Оно смеется над тобою,
пытаясь разозлить.
А ты живешь душевной болью,
и боль не заглушить.

...Не отдавай свою надежду
бездушным зеркалам.
В любовных муках только нежность —
божественный бальзам.

Поэт слагает вирши...

Поэт слагает вирши в тишине.
Вплетает в них стареющую душу.
Слова ему привиделись во сне,
Он сердцем их давно уже прослушал.

И тянется рифмованная нить
Из жерла опаленного сознания.
Одной строкой пытается казнить,
Другой снимает с жертвы наказание.

Одним стихом приветствует любовь,
Другим кричит о горечи разлуки.
И вновь переживает чью-то боль,
Иль обрекает творчество на муки.

Мне дано...

Мне дано и плакать, и смеяться.
Я ни слез, ни смеха не стыжусь.
В этом мире взбалмошном остаться
Лицедеем вовсе не боюсь.

Я боюсь остаться незаметным,
Непонятым русской стороне.
Я боюсь, что вместе с вольным ветром
Принесет забвение по мне.

А пока и плакать, и смеяться
Мне никто не сможет запретить.
Я готов поэзии отдаться
И сонет последний завершить.

Не считай прегрешений...

Не считай прегрешений моих,
Не найдешь в этом мире безгрешных.
Не бывает решений простых
По закону орел или решка.

Но бывает большая любовь,
За которой не властвует ревность.
Научись понимать без слов,
А иначе постылая брешь.

А иначе ревнивая тень
Перекроет сердечные чувства.
И утихнет душевная звень
Под коростой печали и грусти.

Где-то...

Где-то небо плачет,
где-то солнцем жжет.
Где-то мир растрочен,
где-то сбережен.

Где-то возгорает
новая звезда.
Где-то вымирают
села, города.

Где-то за природой
числятся грешки.
Где-то на погоду
пишутся очки.

Нехотя кружится
жизни колесо.
Как бы нам решиться,
скинуть подлецов.

Как бы превратить нам
Землю в общий дом,
Чтобы не глумиться,
а ужитья в нем.

Я любовь свою растратил...

Я любовь свою растратил,
Разбросал по диким пляжам.
И теперь в любовных играх
Оторваться не могу.

Откровенные желанья
мою грудь не будоражат.
Я душевные порывы
воспеваю на бегу.

Я смотрю теперь на женщин
с поэтической оценкой.
И пытаюсь их направить
или в ямб, или в хорей.

А естественную близость
называю просто сценкой.
И спешу уединиться в мир,
где властвует Морфей.

Символ семьи, любви и верности

На ромашках мы гадали —
то ли любит, то ли нет.
И с надеждой ожидали
положительный ответ.

А теперь ромашка — символ
каждой праведной семьи,
что живет под небом синим
в духе веры и любви.

И исходит этот символ
от Февронии с Петром.
В нем Божественная сила
и крещеный счастьем дом.

Разговор с компьютером

Компьютер, друг мой бессловесный.
Тянусь к тебе я всей душой.
С тобой смотрю земные вести
С конкретной правдой и лапшой.

Тебе я чувства доверяю,
Храню крамольные мечты.
Свое влияние простираю
На чудный образ красоты.

Ты мой естественный приятель.
Не квартирант и не сосед.
Общение делаешь приятным
Уже не помню сколько лет.

И все же хочется порою
Уйти в реальные миры.
Стоять безумцем под грозою,
Истоки новые открыть.

Любить естественно и зримо,
И восторгаться наяву.
В реальной жизни быть любимым,
Чтоб удержаться на плаву.

Напряженный нынче век...

Напряженный нынче век,
но раскрой-ка очи.
Красен добрый человек,
добренький не очень.

Очень трудно разобрать
где проходят грани.
Кто-то хочет больше брать,
кто-то сыплет бранью.

Зло воинственной добра,
ложь коварней правды.
Но сегодня тот не прав,
кто не сеет радость.

Не стесняйся доброты,
следуй с ней повсюду.
И тогда твои труды
вновь послужат людям.

Твое спасибо

Из уст твоих слово «спасибо»
звучит откровенно и чисто.
Оно, как надежный спаситель,
мне дарит желанные искры.

И я возгораюсь, как прежде,
в застывшей тиши кабинета.
И ангельский голос надежды
выводит звучанье сонета.

И бьет поэтический гейзер
волной возрожденного счастья.
И смотрят покорные гейши
с невинным желаньем участья.

А солнце все выше и выше,
у рифмы кончаются силы.
Мне хочется снова услышать
твое дорогое «спасибо».

На юбилее

В глазах юбилярши молодая невинность
и робкая прелесть в руках.
Ее поздравляют довольно картинно
с напутственным льдом на губах.

Краснеет она от благих пожеланий,
от пламенной прозы речей.
В портфеле ее искрометных желаний
становится все горячеей.

И чтобы закончить поток словоблудий
я встал и тихонько сказал:
«Довольно сегодня словесных прелюдий,
пускай начинается бал».

А в вальсе шепнул молодому созданию:
«Желаю счастливости чувств.
Мое пожеланье не выглядит странным,
хотите его прокричу?»

Она поделилась открытой улыбкой,
смахнула налет торжества.
Еще раз представив природную гибкость,
пропела такие слова:

«Я Вам заявляю без всяких уловок
по праведной воле небес.
Большое спасибо за доброе слово
и просто за то, что Вы есть».

Доброта теряет вес...

Доброта теряет вес
в плотном мареве чудес.
Расслабляют чудеса,
бьют забвением глаза.

Валят люди на прогресс
то, что в них вселился бес.
И шагают по телам
с криком — власти не отдам.

Стало модным слово «стресс»
в лексиконе у повес.
И кивает на права
бестолковая братва.

Амулет

Амулет из подсознания
временами достаю.
Вспомнив первое признание,
я его благодарю.

И рождается поэма
на сговорчивом листе.
Вот такая вот дилемма,
вот такой иммунитет.

От коррозии таланта
я храню сей амулет.
В каждой грани бриллианта
твой знакомый силуэт.

А что я оставлю?

Что оставлю потомкам я на этой земле?
Только скорбных хлопот поминальную чашу,
Да последнюю мысль на остывшем челе,
Что не в силах прочесть ни чужим и ни нашим.

Я оставлю в столе ворох страстных стихов.
Их творил не рукой, а велением сердца.
Но завяли они под пятой каблуков,
Тех, кто лстиво плодил неказистую серость.

Вы простите меня, дорогие мои,
Что дворцов и счетов не оставлю в наследство.
Завещаю я вам, только горстку земли
Из далеких краев, где прошло мое детство.

Ты же мать...

Раскошелся на жертвенность,
брось хмельную затяжку.
Ты же мать, ты же женщина,
а не мерин в упряжке.

Сполосни поцелуями
свои алые губы.
И тогда аллилуйями
покоробится грубость.

И тогда распогодится
на любовном причале.
И совсем не захочется
продолжать одичалость.

Что хочет женщина...

Что хочет женщина, не знает даже Бог.
Ее порывы страстно безрассудны.
Добро несущего не пустит на порог,
Зато пригреет с именем «подсудный».

Ее любовь порой строптива и слепа,
А ливень чувств стремительно коварен.
Она по рассказням наивна и глупа,
Но наяву умна в оригинале.

Ее желанья невозможно утолить
Ни добротой, ни силой наказанья.
Нам остается только женщину любить,
И воспевать небесное создание.

Поэт и Муза

Он в поисках рифмы по свету метался.
Взбирался и падал, тонул и всплывал.
Он бурному ливню шутиливо сдавался
И свежему ветру лицо подставлял.

И даже не думал, что скромная Муза
Идет с ним по жизни, рифмуя слова.
Она согласилась на брачные узы,
Хотя соглашенья поэт не давал.

Она улыбалась ему, как невеста,
И пела осанну любимой женой.
Она занимала коронное место
И в праведный холод, и в жертвенный зной.

Когда у поэта уставшее рвенье
Порой уходило в тлетворный запой,
Она вдохновляла его на творенье,
И он рифмовался дрожащей рукой.

Но жизненный век у поэта недолог,
И Муза затихла на смертном одре.
Томится на стенке прощальный некролог,
Да тихо звучит поминальная речь.

Женское сердце

Я сердце женское могу представить розой.
Оно цветет в объятиях мужчины.
Так не жалейте даже малой прозы,
И не ищите каверзной причины.

Могу представить также хрупким изумрудом.
Неверный жест, и сердце разобьется.
Его сберечь тому не очень трудно,
Кто за любовь до самой смерти бьется.

Безбрежным озером я сердце представляю.
Оно от мук слезинкою прольется.
Лишь добротой такое разбавляют,
А не сливают в злобе что придется.

Светская львица

Законодательница мод по Википедии,
Носитель светскости по жизненным устоям.
Ей не пристало проживать чужими бедами,
Она парит в своих тусовочных просторах.

Ей не к лицу бежать в погоне за мужчинами.
Мужским вниманием ее не обделяют.
В ней уживаются надменность беспричинная
И беззастенчивость, и это умиляет.

Но возвращаясь из бомонда в одиночество,
Она смывает показную отрешенность.
Ах, как ей бабьего простого счастья хочется,
Чтоб в нежных ласках утонула напряженность.

Древнее слово

Для счастья женщине немного надобно,
И эта надобность в едином слове.
Но чтобы слово то связало надолго
Без всяких мудростей и без условий.

Чтоб слово данное делами славилось,
И не замазалось хвощом измены.
Тогда у женщины судьба заладится,
И канут в прошлое ее размены.

А слово древнее не нами писано,
Да нами сказано в порыве страсти.
Оно в людских скрижалях шито бисером
И бережет влюбленных от напастей.

Без вдохновения

Смотрю на чистый лист бумаги,
а вдохновенья нет.
В какую глушь умчались маги,
не сняв с меня запрет?

Я вижу небо голубое,
и больше ничего.
И нет ни трепета, ни боли
от бегства твоего.

Ужели разум растерялся
и лег теперь на дно?
Ужель с поэзией расстался
и с миром заодно?

По ком теперь шальная рында
без устали звонит?
И не скрипит уставший принтер,
и Муза не зудит.

Я вижу небо голубое
в расщелине окна.
Все потому, что не с тобою,
и ты сейчас одна.

Хорошо

Хорошо просыпаться
в объятиях нежного взгляда,
Из ночных сновидений
в реальное утро входить.

И с рассветом понять,
что любимая женщина рядом,
И улыбкой своею
до звездных закатов светить.

Хорошо возвращаться
под крылышко милой улыбки
И читать благодарность
в приятном сиянии глаз.

А потом приглубить
ни с чем несравнимую гибкость
И по новой забыться
в безбрежной симфонии ласк.

Для любящей женщины

Для любящей женщины
ничего невозможного нет.
Кипучая жертвенность
на негромкий душевный ответ.

Симфония радости
на тепло зачарованных глаз.
Стихия приятностей
от касанья застенчивых ласк.

Сердечная преданность
с бескорыстным умением ждать.
И чуточка ревности,
что дает привилегий страдать.

Мечты, мечты

Насилую небо своими мечтами,
Листая армейский альбом.
Врывались в него молодыми крылами,
И было нам все нипочем.

Легко покорялись шальные высоты
С безбрежным сиянием звезд.
Но мы возвращались в земные красоты,
В зеленую нежность берез.

Бросались ничком в опаленные травы,
Тянулись в ромашковый рай.
И там наслаждались покоем бескрайним,
И солнцу кричали — ура а а.

А небо по новой манило лазурью,
Свершался стремительный взлет.
К заоблачным высям неслись наши судьбы,
С надеждой венчался полет.

А нынче смотрю на лазурное небо,
Мечтаю о чем-то своем.
Меня обнимает капризная нега
И просит забыть о былом.

Одна из множества невест

Я в синем небе нахожу
источник вдохновенья.
Под ним, мечтающе, брожу
в минуты озаренья.

Под ним неистово люблю,
страдаю и рискую.
Но лишь одну боготворю
и не хочу другую.

Она в небесной синеве
божественным твореньем.
Одна из множества невест
без права на старенье.

Где нежность корчится...

Где нежность корчится от боли,
там счастья нет.
Дается там несчастной доли
один куплет.

Там песня будет заунывной
на пару строк.
Ее никто уж не отнимет
и на оброк.

Ее никто не похоронит,
лишь только ты.
И вот тогда не покорабят
твоей мечты.

И вот тогда заколосится
любовь твоя.
Тогда и счастье загнездится
в твоих полях.

Регата на Неве

Катамараны мчатся по Неве.
Их паруса, наполненные ветром,
Несут заряд стремительного спектра.
Они парят в небесной синеве.

Здесь, как нигде, дистанция трудна.
На них глядит дворцовое величие.
Но экипажи нынче из отличных,
Их не страшит бегущая волна.

И нелегко победу предсказать,
Когда сноровка правит парусами.
Паренье яхт сравнимо с чудесами,
Об этом может зритель рассказать.

Без права воскрешенья

За все грехи пред Богом повинюсь,
Зажгу в душе последнюю лампаду.
Любимой дочке в ноги поклонюсь,
Смахну слезу теплом родного взгляда.

И пробегут в сознании года,
И промелькнут счастливые мгновенья.
И белый свет померкнет навсегда,
А тьма не даст мне права воскрешенья.

Время придет

В безлюдном пространстве бреду и вздыхаю,
Но слишком ничтожен мой вздох.
Ваяю поэмы и зря уповаю
На нух поэтических блох.

Насилует зуд от блошиных укусов,
Печальная рифма саднит.
Мои откровенья опять не по вкусу,
Достойны измятых страниц.

Питается лестью блошиное племя,
А я не согласен на лесть.
И все же придет благодарное время
Со слоганом: главное — честь.

Клубок сомнений

В твоих глазах я прочитал
душевное смятенье.
Копаться в тонкостях не стал
и вышел вслед за тенью.

По блеклой улице шагал
и думал о высоком.
Зовущий в небо пьедестал
пытался брать наскоком.

Но тут оставила меня
задиристая Муза.
В строфах ни рифмы, ни огня,
а тление конфуза.

Я как-то сразу загрустил,
зациклился на прошлом.
Клубок сомнений отпустил
и вспомнил о хорошем.

Мой милый друг

Мой милый друг с глазами голубыми.
Ты мой душевно-поэтический рассвет,
И доброта, наполненная былью.
Любовной гавани застенчивый привет.

Я восхищаюсь нежной негой взгляда
И согреваюсь откровением души.
Готов творить, когда со мною рядом
Твое доверие, вдыхающее жизнь.

Пусть будет так в пожизненной поэме,
Пока горит неугасимая звезда.
Не торопи разбуженное время,
В котором видятся счастливые года.

От дикости землян...

От дикости землян Луна побагровела,
А Марс, глотнув слезу, суровостью обмяк.
Понять дела людей лишь Солнце не успело,
А как поймет маразм, наступит кавардак.

От солнечных лучей безжалостных и жарких
Растают полюса и сонмы ледников.
Зеленые леса сойдут на нет в пожарах
И вздыбится земля у чахлых берегов.

Одумайтесь скорей, чтоб это не случилось,
Закройте на засов военный арсенал.
Пусть Солнце с высоты не жарит, а лучится,
И смерть не перебьет наш жизненный канал.

Я уйду в мир иной

При уходе я дверью не буду стучать
И грозить кулаком стариковским не стану.
Я с малиновым звоном готов помолчать
И прилечь у берез. Пусть не кажется странным.

И высокий ковыль захлебнется слезой,
Что даруют ему беспокойные росы.
Я уйду в мир иной просветленной стезей
Без капризных потуг и без лишних вопросов.

Крылатые сыны России

Молюсь за вас, сыны России,
крылатые сыны.
Колор небес не только синий
в пространстве вышины.

Небесный свод бывает страшным
с разрывами огней.
Но чувство страха — день вчерашний
для солнечных парней.

За вас сегодня вся Россия
болеет естеством.
Дай Бог вам мужества и силы,
возврата в отчий дом.

Грустинка глаз

Грустинка глаз, умытая слезою,
И самолет, взлетевший в небосвод.
Я был бы рад умчаться за тобою,
Но не пришло журчанье вешних вод.

Твой след пропал за серой пеленою,
И навалилась серость на меня.
Вокруг клубится что-то неродное
В туманной мгле нерадостного дня.

Воспоминания

Вспоминаются крымские зори
в отражении мирской суеты.
Просыпаются сонные горы,
обдают ароматом цветы.

Из-за гор золотыми лучами
освещает восход небеса.
Я был рад любоваться часами,
но для солнца хватало часа.

В этот час любопытное солнце
доставало морскую волну.
Согревало до самого донца
и манило нырнуть в глубину.

Что за прелесть морское купанье
под присмотром сияющих глаз.
В них таилось мое мирозданье,
в этом я убеждался не раз.

Я смотрю на сплошные узоры
и вдыхаю нектар пустоты.
Вспоминаются крымские зори
в отражении мирской суеты.

Человеческая мудрость

Человек добро несущий —
мудрый человек.
Это истинная сущность
в просвещенный век.

Разве зло питает мудрость,
разрывая мир.
Покрывая землю смутой,
что злодей — кумир.

Но творят свои злодейства
ястребы войны.
И растаптывают детство
лже-говоруны.

Разглагольствуют о мире,
нажимая спуск.
Практикуются не в тире,
а в скоплений душ.

И молчит людская мудрость
где-то глубоко,
Может, добрая по сути,
но в плену оков.

Не уходи за горизонт

Не уходи за горизонт,
твоих лучей мне не хватает.
Без них в сознаний не играет
душещипательный музон.

Мне без тебя сплошная ночь
в саванно — сморщенном обличье.
Когда преграду безразличья
уже не в силах превозмочь.

С твоим восходом мне тепло,
и так мечтательно красиво.
Твоей божественною силой
крепка живительная плоть.

И лишь с тобой я слышу звон,
он в одночасие не тает.
Твоих лучей мне не хватает,
не уходи за горизонт.

Пришла любовь

Пришла любовь, ушло смятение,
проснулись светлые деньки.
Моя душа рассталась с тенью
от теплых ласк твоей руки.

Раскрылось жизненное чудо
в цветной картине сентября.
Сказать «люблю» совсем не трудно,
по правде женщину любя.

И видеть мир ее глазами
мне удивительно легко.
И любоваться образами,
умчавшись в мыслях далеко.

Какие чудные мотивы
напела яркая листва.
Все потому, что чувства живы,
любовь ответная жива.

Моим друзьям

Мои друзья, порой мне так вас не хватает.
Я вспоминаю те года, что красились мечтой.
Тогда к неведомым мирам мы смело улетали
И бесшабашной суетой корявили устой.

Тогда меняли брюки клеш на клепаные джинсы,
А разрешенное тангО на пресловутый джаз.
И не хотели сознать конца беспутной жизни,
А от навязчивых красот дурманились в экстаз.

И вот теперь я вам пишу из данного сегодня,
И приглашаю помянуть всех тех, кто не дожил.
Погибли многие из нас не в мании угодных,
А чтоб лучилась на земле идей достойных жизнь.

Вот снова мяч передо мной

Вот снова мяч передо мной,
не тот, с которым бегал в детстве.
И мне так хочется раздеться
и побежать за ребятней.

Я вспоминаю старый мяч
с соском и кожаной шнуровкой,
своих друзей на тренировке.
Вот нам бы этот мяч — фирмач.

Еще б искусственный газон,
щитки и фирменные бутсы.
Нам захотелось бы обуться
и показать игрой фасон.

Мы б дали этим пацанам
голов по самую макушку.
А то играют в побрякушки,
такой обводке грош цена.

Мой ностальгический угар
сменился радостным азартом.
Махнул на пенсию и старость,
держите плюху, я не стар.

Янтарь

Когда-то хвойный лес стоял у моря.
Встречал с надеждой утренний восход.
Ветра трепали лес, а он не спорил,
Молился на закат из года в год.

С божественной молитвой размножался,
неволью наступая на волну.
И морю стало лес совсем не жалко,
он послан был со временем ко дну.

Прошли века и хвойными слезами
расщедрились морские берега.
На солнечных лучах янтарный камень
дарует нам природная рука.

В пучине моря

В пучине моря штормового,
в кошмарной мгле высоких волн
взывает к милости у Бога
ладья с названьем «Фараон».

Скрипят потрепанные мачты,
свисают клочья парусов.
Команды, сдобренные матом,
долбают воздух со шканцов.

Последний окрик капитана
пропал в нахлынувшей волне.
Матросов смытые останки
уже покоились на дне.

На берег выбросило морем
корму с названьем «Фараон».
Закат смирился с этим горем,
уйдя за темный горизонт.

Как жизнь порою беззащитна,
а смерть не верит в чудеса.
Но если думать о защите,
то вряд ли взвеют паруса.

Сон в пасмурную ночь

В одну из пасмурных ночей ты просто мне приснилась.
Меня немного удивил твой траурный наряд.
Коварным всполохом огня глава твоя светилась
И ты шептала мне слова про красочный обряд.

Я попытался убежать, но боль остановила.
Прикрылись карие глаза кровавой пеленой.
Твоя холеная рука кинжал в меня всадила.
И ты, упав ко мне на грудь, представилась женой.

Церковный звон тотчас пробил, и сон покинул тело.
Мое помятое лицо терзал холодный пот.
Душа увидела восход и радостно запела.
И понял я, что новый день предстанет без забот.

А стоит ли...

А стоит ли жалеть о чем-то,
перебирая календарь?
Не лучше ль, выглянув в оконце,
увидеть радостную даль?

И без сомнений покориться
капризам завтрашнего дня.
Душевной вольности напиться,
хватив азартного огня.

И жить с набором междометий,
лелеять чувства и творить.
Без грез и жизненных отметин
навряд ли счастье воспарит.

Храни, о Боже...

Храни, о Боже, только тех,
кто сердцем чист и светел мыслью.
Кто не живет лишь для утех,
в любви к Отчизне ищет смыслы.

Храни душевное тепло
и материнское начало,
в котором детство зацвело,
в котором счастье зазвучало.

Храни бесценный аргумент
на человеческую мудрость.
Земле не нужно перемен,
несущих в мир большие смуты.

Добро и зло

Улыбок детских радуга,
сиянье детских глазок.
Все это символ радости
в сюжетах русских сказок.

Звучат словами добрыми
былинные герои.
Чужое горе сдобрено
душевностью историй

Детишек манят дружбою
веселые зверюшки.
А лучшими подружками
бывают даже хрюшки.

Но сказки иностранные —
войнушки, да страшилки.
Нередко слово бранное
и магия наживы.

Такое словокарканье
рождает агрессивность.
И даже Божьей карою
ее не пересилишь.

Окрыленная новь

Искрометная ночь,
ослепительный день.
Все сомнения прочь,
все бессмыслия в тень.

Бесконечный поток
необдуманных фраз
Устремился в итог
в окончательный раз.

Снова солнце взошло
над моей головой.
Вдохновенье пришло,
повело за собой.

Загуляло перо
по бумажным полям.
Превратился в добро
перечеркнутый хлам.

Мне не хочется вновь
понапрасну тужить.
Окрыленная новь
показала на жизнь.

Новый том жизни

Я проснулся в новом томе,
в дом надежды занесло.
Мне приятно в этом доме,
в нем уютно и светло.

В нем застенчивость улыбок
украшает детский смех.
И на творческие глыбы
налагается успех.

В доме даже для порядка
и всерьез не будешь бит.
В нем встречают без оглядки,
проводжают без обид.

В общем, полная истома,
что и в сказке не сказать.
И финал такого тома
мне не хочется писать.

Я пьяный...

Ну, чем я пьяный не хорош,
мне водка душу распирает.
В моих каналах кровь играет,
и мне влюбиться невтерпеж.

Готов обнять я целый мир,
но мне объятий не хватает.
Я об известности мечтаю
как новоявленный кумир.

И к той известности иду
не по проторенной дорожке.
Вокруг смеются чьи-то рожи
на их несчастье иль беду.

Ах, вам смешно, ядрена вошь,
мои кувалды зачесались.
Но вы напрасно опасались,
я пьяный в общем-то хорош.

Пессимист

Пришел, набрызгал негативом,
залил печаль свою спиртным.
В глазах ни страстного порыва,
ни обращения к святым.

Его согбенная фигура
скрывала праздничность годов.
От юной, ищущей натуры
уж не осталось и следов.

На ясный ум свалилась старость,
порвав душевную струну.
Стремленья нет, хандра осталась.
Желанья скрылись в глубину.

Где моя большая кружка...

Где моя большая кружка с порцией вина?
От меня ушла подружка, не моя вина.
Я ее и так, и этак страстью ублажал.
Ни подставой, ни изменой ей не досаждал.

А она ушла к другому за большим... рублем
не под шалью темной ночи, а обычным днем.
Напоследок огрызнулась, показала фиг.
Я к такому обхождению вовсе не привык.

Быстро кружка опустела, что ж, налью еще.
Чтобы грусть моя запела, стало горячо.
И в который раз почуяв привкус прежних грез,
старой песней свою душу доведу до слез.

Я не вечно буду плакать, это не по мне.
Разгляжу твою мордашку точкой на Луне.
И тогда допью до донца, выплесну печаль.
Только лет, прожитых вместе, мне немного жаль.

И снова небо людям мстит

И снова небо людям мстит,
и снова горе убивает.
Опять пещерный троглодит
в людские души залезает.

И льется кровь из облаков,
как дань небесного вампира.
И кто-то лезет вглубь веков,
чтоб оправдать порочность мира.

Во всем повинен человек,
но почему казнят невинных.
Грешит абсурдом этот век
от крайних вех до сердцевины.

Джо Дассен

Со мной в квартире Джо Дассен
и милый человек.
Идет тепло от светлых стен,
в душе играет свет.

С певцом делю свою печаль,
и грусть свою делю
И робко пробую начать
общение с «люблю».

Но Джо выводит Nostalgie
на собственный манер
И входит в дом былая жизнь
с наличием химер.

И мой полночный монолог
не выплыл с глубины.
Его слышал только Бог
в созвездии тишины.

Конкурс «Синяя птица»

Какое множество талантов
Россия миру принесла.
И нынче творческих Атлантов
нам птица синяя дала.

Какой вокал, какие танцы,
какой источник мастерства.
Зарделась юными цветами
волшебной птицы синева.

И понял я, что не скудеет
талантом русская земля.
И стало на сердце теплее,
и стал добрей лукавый взгляд.

Два ангела

Мой Петербург, а, значит, и меня,
два ангела без устали хранят.
Один хранит, величием маня,
второй крылами пробует обнять.

И под одним звонят колокола,
благословляя праведность времен,
а под вторым победные дела,
к которым он и ныне устремлен.

Меня влекут и первый, и второй.
Я вижу в них истории полет.
И каждый ангел — друг мой дорогой,
и мой надежный, жизненный оплот.

Уж такой уродился

Я, то счастлив безмерно,
то несчастлив совсем,
То в поступках примерный,
то не радую всех.

За свою бесшабашность
получаю сполна.
Говорят, что без башни,
разве это вина.

Уж такой уродился
на родимой земле.
Даже Бог удивился,
изменился в челе.

Ты прости меня, Боже,
за беспутность мою.
Не суди меня строже,
лишь об этом молю.

Я знаю...

Я знаю, что ты ждешь и, может быть, страдаешь,
и след моей души пытаешься найти.

А, может быть, сидишь, на прошлое гадаешь
и в завтрашнюю новь робеешь перейти.

А, может быть, стоишь у звездного окошка,
мечтая о своей немеркнувшей звезде.
Но смотришь иногда на светлую дорожку
и шепчешь в забытии — ну где же, милый, где?

А милый твой сидит в объятьях скромной Музы,
бессменное перо застыло на листе.
Над рифмой хочет быть не юношей, но мужем,
а это ли не путь к взлелеянной мечте.

И ты должна понять духовное стремление,
напрасно не страдать у звездного окна.
Тебе он посвятит бессмертное творенье,
в котором у любви есть магия одна.

Сохрани его, Боже

Он ни в чем не повинен,
сохрани его, Боже.
Разве мог он в утробе
быть замечен в грехе?

Сохрани неизменным
возрожденное ложе.
И позволь появиться
в данный срок налегке.

Перестань упиваться
безразмерным страданьем.
Отнесись с пониманьем
к материнским слезам.

И тебе улыбнется
озорное создание.
И за эту улыбку
я полжизни отдам.

Безумие

С каким трудом нам жизнь дается.
И как не чтим ее порой.
Швыряем годы, где придется,
пускаем кровь большой рекой.

Коварства адская машина
не выключает жернова.
Войны безумная дрезина
сминает жертвы, как дрова.

И детский плач уже не слышен
в противном реве канонад.
И стук сердец все тише, тише
в зловонной мгле с названием смрад.

Робкий стон Земли

Во мгле людского беспредела
я слышу робкий стон Земли.
Она войной не доболела,
ее вандалы погребли.

Закрыта дымной пеленою
ее бесценная краса.
И не спешат гордиться новью
полей и пашен голоса.

Смердят искусственные язвы
в бескрайнем лежбище гробниц.
И омерзительные казни
уже не ведают границ.

Бесовских месс чумные слуги
творяют кровавые дела.
Угомонитесь, вы же люди.
Иль вас не мама родила?

Родная сторона

Иду родимой стороной,
в душе волнение скребется.
Какой неведомой струной
она в дальнейшем отзовется.

Иль запоем на все лады,
или замолкнет в одночасье.
Ищу знакомые следы,
а вижу только безучастье.

Здесь все сегодня не мое,
и этот двор, и эти липы.
И даже солнце не смогло
расшевелить родные блики.

Глаза застила пелена,
душа свернулась от видений.
Прощай родная сторона,
я прозевал твоё цветенье.

Когда мы были молодыми

Когда мы были молодыми,
лакали пиво и вино.
Девчонки толпами ходили,
а мы играли в домино.

Лилась пацанская бравада
с корявым матерным словцом.
И было нам любви не надо
с концом свободы под венцом.

Да мы за порцию свободы
могли любого наказать.
Шагали в жизнь, не зная броду,
и нас судили за глаза.

А показному этикету
никто, конечно, не учил.
Но жизнь заполнила анкету,
и каждый вскоре полюбил.

От прошлой рвущейся бравады
осталась порция огня.
Детей нам Бог принес в награду,
их нынче много у меня.

Возрождение

Я так мечтал, и ты по новой возродилась.
Я так хотел, и ты надежду принесла.
От мук народных твое сердце запустилось,
и озарилось возрожденье ремесла.

Уже не плачут белокурые березы,
и распрямились поврежденные дубы.
Рассветный луч уже не только чьи-то грезы.
Он светлый символ сотворения судьбы.

Похоронная процессия

Страницы вех перебирая,
я сам не знаю, что ищу.
И вдруг мелодия играет,
и я не плачу, а кричу.

Взрывает воздух слово «папа»,
и гроб хоронится венком.
Меня коробит хвойный запах,
с которым прежде не знаком.

Потом машина грузовая
и хвост процессии за ней.
Халтура, медью завывая,
плодит мурашки на спине.

И эта медная тревожность
ведет унынье на погост.
И каждый мыслит осторожно —
он в этой жизни только гость.

Удар в спину

На безнаказанность убийства
давно получено добро.
Огнем насыщенное зло
гласит устами кровопийцы.

Исподтишка, ударом в спину
атаковал турецкий борт.
Стрелял с ухмылкой в упор
в сопло снижавшейся машины.

Он по-звериному подкрался
и улетел, как подлый трус.
Но верю я, святая Русь
сумеет с этим разобраться.

За танцы над пилотским телом
она сумеет отомстить.
И Бог кощунства не простит,
душа пилота прилетела.

Прости меня, моя родная

Я ухожу в воспоминанья,
передо мною отчий дом.
И мама — милое создание
в красивом платье кружевном.

Ее парадные одежды
хранились только для меня.
Она не теплила надежды
на счастье нового огня.

Она болела чутким сердцем,
а я, порой, не замечал
как открывалась в старость дверца
и скоро плавилась свеча.

Не видел просьбы молчаливой
в ее стареющих глазах.
И с ней прощался торопливо
с хмельной улыбкой на устах.

И в те минуты роковые
я был от дома вдалеке.
И не слышал, как звезды выли,
как воды вздыбились в реке.

Прости меня, моя родная, за недоданную любовь.
И ты простишь, я точно знаю, а я покаяться готов.

Письмо дочери

Твой голос зазвенел и взгляд развеселился.
Унылая печаль покинула глаза.
Не этот ли сюжет тебе годами снился.
Не эта ли звезда зажглась на небесах.

От новых перемен повеяло восторгом,
и стало на душе раздольно и светло.
Твой близкий человек и мне сегодня дорог.
А, значит, что и мне сегодня повезло.

Пусть путь ваш озарит безоблачное небо,
и льдинки прежних лет растают навсегда.
Пусть вашу колыбель ласкает только нежность.
Вам счастья и любви на долгие года.

Не дари мне

Не дари мне черный жемчуг,
не дари златую нить.
Я иду к тебе на встречу,
чтобы счастьем одарить.

Не дари мне званый ужин,
не дари морской круиз.
Лучше стань примерным мужем
и исполни мой каприз.

С исполнением каприза
истощился кошелек.
Был и жемчуг, и круизы,
и решительный упрек.

Но еще была улыбка
и горячий поцелуй.
Кто-то кличет брак ошибкой,
я же милую люблю.

Дорога в прошлое

Дорога в прошлое трудна,
она не каждому дана.
Но кто ее пройти сумеет,
об этом вряд ли пожалеет.

Она приводит в отчий дом,
где все пронизано добром.
Где нет ни лжи, ни лицедейства,
А только праведное детство.

Где можно бегать босиком,
передвигаться кувырком.
И любоваться на качели,
с которых в юность улетели.

А там и песенная новь
со странным чувством на любовь.
И безответные посланья
с немой тревогой ожиданья.

Так разве можно не пройти
хотя бы часть сего пути.
И кто его пройти сумеет,
об этом вряд ли пожалеет.

Как жить?

Жить только для себя бессмысленно и вредно.
Жить в одиночестве не может и сорняк.
Быть без оглядки хлебосольным и смиренным
С вершины разума совсем не добрый знак.

Не брезгует ничем носитель эгоизма.
Он на коварство и бесправие горазд.
А тот, кто потчует махровым альтруизмом,
Дышать бесправием и злом безмерно рад.

Жить нужно для людей с достоинством и честью.
Стране не пакостить, в которой ты живешь.
Тогда надежда на планете не исчезнет
И добрый мир потуги зла переживет.

Говорят

Говорят, людей хороших больше.
Говорят, с добром идущих много.
Только зло упитанней и толще,
и ему с добром идти не в ногу.

Только миром правят негодяи,
от которых алчностью воняет.
Их не манят солнечные дали.
Их Господь в жестокость окунает.

И звереют алчность и жестокость,
Колобродят с наглостью в обойме.
Страшный шум кровавого потока
оглашает поле новой бойни.

И стрижет вонючие купюры
режиссер театра лицедеев.
От софитов данной режиссуры
сердце мира только холодеет.

И летят не голуби над полем.
И поля не хлебом колются.
И земля корежится от боли,
ей со злобой хочется расстаться.

Чтобы мир надеждою наполнить,
Нужно взять смирение за основу.
Говорят, людей хороших больше.
Говорят, с добром идущих много.

Летные сны

Покрылись пылью звезды на погонах.
Поела моль парадную шинель.
Притих планшет без летных перегонов.
И небо стало сумрачней синеть.

Мне по ночам турбинный рокот снится.
Я высотой по-прежнему дышу.
И мой полет над северной столицей
Когда-нибудь с любовью опишу.

Жизнь свою насилловать не буду

Жизнь свою насилловать не буду.
Новых дней у Бога не спрошу.
Пусть господь однажды не разбудит.
Я с него за это не взыщу.

Пусть однажды солнышко не выйдет
над моей поникшей головой.
Я хочу, чтоб каждый близкий выпил
за пришедший всеу упокой.

Я хочу, чтоб сыростью не пахло
в отведенном райском уголке.
Чтобы ветвь поэта не зачахла,
и звезда не гасла вдалеке.

В гости к одиночеству

От брожения прожитых лет
отвлекает меня одиночество.
Я бросаю потрепанный плед
на остывшую спину пророчества.

И омытый скупой слезой,
отдаюсь заказному желанию.
Устремляюсь в глубины лесов,
где не нужно пыхтеть и жеманиться.

Где не нужно насиловать слог
и страдать по несбывшейся осени.
Где туманом прикрыт эпилог
и встречаются духмяные просеки.

Где в доверчивом море цветов
обмываю свое возрождение.
В этом море остаться готов,
но всеильно природное бдение.

И под шелест скупого дождя
проводит меня одиночество.
Обещает по-прежнему ждать
с полной чашей земного пророчества.

Запах ссоры

Запах ссоры я почуял за околицей.
Расшумелись молодые голоса.
И на сердце обозначилась оскомина,
Помутились увлажненные глаза.

Молодым в порыве чувств не нужно ссориться.
Жизнь примерами пытается внушить —
Чудный терем для влюбленных не построится
На фундаменте оплеванной души.

Мой любимый праздник

Новый год — любимый праздник.
Жду его я каждый раз.
В эти дни я не проказник,
а приемник всяких ласк.

И слетаются подарки
для меня со всех сторон.
За стихи конфеты дарят,
а за песенки смартфон.

От игрушечных машинок
переполнился гараж.
А на елке от снежинок
заискрился антураж.

Дед Мороз с мешком приехал
и Снегурочка при нем.
Дал мне целый ворох смеха
с сатирическим ключом.

Я теперь смешу округу
и приятности дарю.
А детсадовского друга
я в напарники беру.

Пробуждение

Я по утрам встаю с надеждой,
ловлю доверчивый рассвет.
С нектаром чувств вбираю нежность —
надежный мой иммунитет.

Теперь любая непогода
не стоит медного гроша.
И даже вредные невзгоды
сойдут на нет без барыша.

Я вижу небо голубое
под плотной ширмой облаков.
И воспеваю образ Бога,
хранящий душу от оков.

Мир иллюзий

В мир иллюзий дверь всегда открыта,
но зайти туда не торопись.
Потчуй явью, как бы не обрыдло,
на мольбу чужую отзовись.

Мир иллюзий сладок и коварен
бездной безвозвратного пути.
Вспомни о родительском причале
и к нему попробуй подойти.

Не чурайся ласкового слова,
выпей материнскую печаль.
Здесь твоя житейская основа,
здесь висит твой звездный календарь.

Бездумное добро

Блаженных издревле любили на Руси,
и не один косил под дурачка.
Кто Божий след искал на небеси,
кто безмятежно водочку лакал.

А кто-то просто рубище носил
и богател от щедрости людской.
Не подающим карою грозил
вошедшей в раж протянутой рукой.

И чем трудней казались времена,
тем беспардонней были дурачки.
Для них охотно щедрилась казна,
давались в дар отнюдь не пятаки.

Меня тошнит от щедрости такой,
наводит грусть бездумное добро.
А человек с протянутой рукой —
не добрый знак, а низменный порок.

Мне сегодня тоскливо и душно

Мне сегодня тоскливо и душно
в этом скованном алчностью мире.
Где сношаются потные туши
в золоченом вонючем сортире.

Где господствует червь потребления
без какой либо чуткой отдачи.
А банкноты зарвавшейся лени
обивают пороги удачи.

Где простая душевная щедрость
подменяется мелкой подачкой.
И безликая масса, ощерясь,
предлагает жестокость на сдачу.

Я не хочу...

Я не хочу позировать в исподнем,
расставшись с той, что хвасталась красой.
И не хочу проснуться в преисподней
под мерзкий смех охальницы с косой.

Мне лучше лечь и допьяна напиться
из полной чаши женского тепла.
А что потом со мною приключиться
пускай учтет остывшая зола.

Я, умирая, должен быть уверен,
что женский взгляд, который обласкал
не перекроет кованые двери
на мой последний скорбный пьедестал.

Рифмоплет

Тема задана, а рифмы к слову нет.
Мечет бисером затравленный поэт.
Ляжет в стол застывшая поэма
и всплакнет унылая дилемма.

Будет ждать уставший рифмоплет,
но к закату рифма не придет.
Загуляет рифма по сусекам,
где хранят поэзию успеха.

Я ночь делю

ВОСПОМИНАНИЯМИ

Я ночь делю воспоминаниями
с картинками от волжских берегов.
По крохам выбираю из сознания
события отдельных островков.

Любуюсь огненными зорями,
встречаю с милой розовый рассвет.
За бесшабашными восторгами
не слышу утвердительный ответ.

И моя милая проказница
уходит в радость солнечного дня.
И беспардонно тенью дразнится —
бессонница насилует меня.

Молодость

Смотрю на племя молодое,
налюбоваться не могу.
Оно компьютерно — хмельное
и все решает на бегу.

Оно пленительно красиво
своей открытой красотой,
своей возвышенною силой
и необычной пестротой.

Такая жизнь нам и не снилась
в послевоенные года.
Нас не коснулась божья милость,
мы атеистили тогда.

Несли партийную харизму
и не сподобились прозреть.
А за родимую Отчизну
готовы были умереть.

И наше скромное участие
страна родная приняла.
И в этом было наше счастье,
с которым молодость прошла.

Звень

Звень воздушная уводит в тишину,
в отражение доверчивых озер.
Там созвездия ныряют в глубину,
и нектаром обдаёт сосновый бор.

Там общаются на птичьем языке
перелески и духмяные луга.
Там туманы прикасаются к реке,
обнажая отсыревшие стога.

Откликается зарница на восход,
просыпается зеленая трава.
Вот еще один поросший тиной брод,
за которым входят в звень тетерева.

Мороз и поцелуй

На улице под минус двадцать,
а мне в объятиях тепло.
И не беда, что не шестнадцать,
а семь десятков набрело.

Что я давно уже не мальчик,
с густой копной на голове,
не Казанова и не мачо,
обыкновенный человек.

Но вкус хмельного поцелуя
до сей поры приятен мне.
И я без усталости целую
любовь, ведущую к весне.

Целебный лучик

Добрых глаз целебный лучик
осветил сознание мне.
Стала жизнь моя кипучей
и приятнее вдвойне.

Расступилось бездорожье,
распрявился буерак.
Белым снегом припорошен
человеческий бардак.

С неба солнце улыбнулось,
растворились облака.
И опять меня коснулась
твоя милая рука.

Золотая свадьба

Свадьба золотом украшена.
Златожены хоть куда.
Ну, какие ж они разные,
а сроднились навсегда.

У невесты щечки алые,
чуткий взгляд у жениха.
Гости знают бокалами,
доброй порцией стиха.

Закружились в вальсе свадебном
два счастливых голубка.
Танец следующий за сватами,
вероятность велика.

Загуляла свадьба златая
до воскресных петухов.
Эх, гармошечка поддатая,
не жалея своих мехов.

Женское лукавство

Ах, это дивное лукавство
из женских глаз.
Оно без тени постоянства
и без прикрас.

Какая движущая сила
лукавый взгляд.
Готов отдать свои полмира
за перегляд.

Готов пожертвовать собою
за сочность чувств.
И никакой сердечной боли
не убоюсь.

Мне жизнь нередко задает...

Мне жизнь нередко задает задиристый вопрос —
зачем ты лиру беребишь, какой на рифму спрос?
В шальные, школьные года ответа не давал.
На поэтическом крыле я в чувственность влетал.

И мне бывало все равно, оценят или нет
мою лирическую спесь, мой стихотворный бред.
Хотел писать, вот и писал, а мог и не писать.
Хранил рифмованную мысль, а мог и разорвать.

Но по прошествии годов под шапкою седин
я в полной мере ощутил биение в груди.
Ну, как же можно не писать, когда цветет весна?
Когда Россиюшка моя отходит ото сна?

Когда встречает милый друг открытою душой
и с небывалой простотой пускает на постой?
Когда любимая моя общается с луной?
Когда пропитан каждый слог любовью неземной?

Спасибо, друг...

Спасибо, друг мой ненаглядный,
я в унисон с тобой живу.
Под сенью ласкового взгляда
другого счастья не зову.

Любовью сдобренные строки
в груди не смею удержать.
Остались в прошлом монологи,
дуэтом легче распевать.

Ушла взъерошенная старость,
вторая молодость пришла.
И жизнью данная усталость
без лишней спеси отошла.

Жизнь моя

Я жизнь свою не меряю каратами,
она другим подвластна измереньям.
Ее портфель, судьбою подзаланый
хранит, как страж, события и время.

Хранит мгновенья детства беззаботного
и лишь чуть-чуть родительской печали.
Я был укрыт безмерною заботою,
в которой песни добрые звучали.

В ту пору утро было только солнечным,
ну а зима безветренной и снежной.
И каждый стол дразнился разносолами,
но корки хлеба не было вкуснее.

Хранит портфель не детские страдания
и череду бессмысленных поступков.
Тогда любовь казалась испытанием,
ну как чиста мальчишеская глупость.

Я ждал с надеждой быстрого взросления
и не заметил, как оно явилось.
И лишь потом встряхнуло озарение,
когда судьба от дома удалилась.

Искал я в небе чистом утешение
и возвращался с мыслями о доме.
Просил у дома скорого прощения
и вновь писал свой летный многотомник.

И вот теперь с особенным желанием
я открываю таинство портфеля.
Моей судьбе я низко в пояс кланяюсь,
благодарю с душевностью Орфея.

Спокойно людям не живется

Спокойно людям не живется,
свербит звериное нутро.
То старость горем отзовется,
то в детство вклинится урод.

Горят неубранные пашни,
стоят в руинах города.
Идут разборки наши — ваши
и не мгновенья, а года.

И всюду деньги, деньги, деньги.
Толстеют чьи-то кошельки.
А люди, словно привиденья,
и словно рвы материки.

Сплошной бедою отзовется
такой бессмысленный разброд.
Слеза последняя прольется,
набат последний не пробьет.

Я во Вселенной

Я во Вселенной даже не песчинка
и на Земле лишь маленькая кроха.
Но боль в груди сегодня беспричинна,
мой стимул жизни вовсе без подвоха.

Мне дарит рифма полную свободу.
Летят стихи на крыльях вольной птицы.
Я их пишу в любую непогоду,
и этим счастьем смею поделиться.

Ласковая близость

Не жалея, соловушка,
птичьего таланта.
Буйная головушка
дорого заплатит.

Сослужила ноченька
службу заказную.
Заманила почестью
девку озорную.

Ту, что долго жаловал
трепетным участием.
Ту, к которой хаживал,
но не верил в счастье.

А теперь случилась вдруг
ласковая близость.
К сердцу с Божьей милостью
счастье притулилось.

Пляски на костях

Живых не чтут, на мертвых наживаются.
На их останках красноречьем изгаляются.
Кричат о дружбе составители разносов.
В любви клянутся сочинители доносов.

И чем мощней их вопли над могилами,
тем сволочней проступки их прогнилые.
Из-под небес на них взирают души,
им тяжело поток лжелести слушать.

Храпи, мой друг, храпи

Храпи, мой друг, храпи.
Пусть будет сон приятным.
Пусть Бог тебя хранит
в нирване благодатной.

В объятьях темноты
блаженством наслаждайся.
Исполнятся мечты,
не стоит напрягаться.

Заботливый Морфей,
не глядя на погоду,
за тридевять морей
умчит твои невзгоды.

Взгляд старушки

В вагоне поезда метро
поймал я взгляд седой старушки.
И сжалось все мое нутро,
сюжет покоя был нарушен.

Я в этом взгляде увидал
печаль несбывшейся надежды.
Тускнела в нем былая даль
в лохмотьях свадебной одежды.

И так хотелось тихо встать,
к ее сединам прикоснуться
и вместе с нею помолчать.
А вдруг печали разойдутся.

И я жалею, что не встал,
стряхнув душевную сонливость.
Теперь в сознании пустота
и безутешная стыдливость.

Моя поэзия меня переживает

Моя поэзия меня переживает,
и я о том нисколько не жалею.
Пускай цветет стихов моих аллея,
где каждый путник что-нибудь найдет.

А кто-нибудь приляжет в тишине
под теплотой рифмованного слога.
И никогда не будет эпилога
в его счастливом, благодатном дне.

Богатство

Богат не тот, кто меряет мешками
шалых купюр бессовестную спесь.
Кто загребаёт грязными руками
победных воплей благостную весть.

Питает мир душевное богатство,
хранит покой душевное тепло.
Оно не льнет к блатному святотатству,
не оскверняет злом людскую плоть.

Я так хочу, чтоб гнев уgomонился,
чтобы возросло гуманное зерно.
Чтоб мирный разум верой осветился,
ведь человеку многое дано.

Смысл жизни

Смысл жизни смотрит на меня,
и я балдею.
Когда вокруг моя родня,
я молодею.

А как же мне не молодеть,
глядят глазенки.
И просят песенку допеть
про медвежонка.

Я с удовольствием пою
без остановки.
Частичку радости дарю
родной плутовке.

Сияют хитростью глаза
и наслаждением.
Сумел я многое сказать
подобным пеньем

После праздника

Вот и затихли праздничные оды.
Вот и завяли яркие цветы.
Опять терзает будни непогода
и улеглись дареные мечты.

И снова манят в дебри распорядка
кликуши женских жизненных забот.
Кого-то ждут оттаявшие грядки,
кого-то гул общественных работ.

И так весь год до будущих сонетов
о несказанной женской красоте.
Ну, а пока тоскливые приветы
и непокой в душевной пустоте.

Моя надежда

Мой талисман, моя надежда,
моя жена и верный друг.
Я преклоняю свою нежность
перед теплом волшебных рук.

Я окунаюсь без оглядки
в глаза озерной синевы
и ощущаю выдох сладкий.
Такие чувства мне новы.

И эта новь волнует рифму,
дарует мне приятный слог.
И я готов под эти ритмы
писать немеркнущий пролог.

Мне семь десятков...

Мне семь десятков, вовсе не еще.
Я груз годов сознанием ощущаю.
Моя душа, и этим я польщен,
от нудных дум надежно защищает.

Она поет под музыку дождя.
Она смеется, будто мне семнадцать.
И я готов с уходом подождать,
а смерть придет, я буду упираться.

Я недопел свое, недолюбил,
недосмотрел прижизненные кадры.
Судьбой дано еще немало сил
и от небес не жду я Божьей кары.

Буди меня...

Буди меня, буди почаще
моя задорная весна.
Избавь надежду ото сна
и выпей ласку полной чашей.

Я буду бережно хранить
твое целебное дыхание.
И наше милое свиданье
печаль поможет утолить.

А завтра будет новый день
с приятным мигом пробужденья.
И чувств высоких возрожденье
прогонит прочь разлуки тень.

Слово

Выпуская слово на свободу,
не спеши, подумай хорошо.
Прояви хоть капельку заботы,
не стремись забраться на рожон.

И запомни, слово может ранить,
а покруче может и убить.
Не цветет улыбкой поле брани,
невозможно злобой возлюбить.

Есть у слова скромное призванье —
красить жизнь бесценной добротой.
Без него не будет процветанья
на Земле, заросшей лебедой.

Бобер и выдра

Жил был бобер в одной протоке.
Имел достаток и семью,
не много жен, а лишь одну.
И для детей отцом был строгим.

Но встретил выдру он однажды
и от виденья захмелел.
На внешний вид помолодел
и стал безудержно отважным.

Жена привиделась каргою,
обузой стали сын и дочь.
Все чаще стал срываться в ночь
он вслед за выдрой дорогою.

Дарил несметные подарки,
носил младую на руках.
Забыв о долге и делах,
он отдыхал в объятьях жарких.

Но вот закончились финансы,
на выдру оторопь нашла.
Она другого завела,
лишив бобра второго шанса.

Приплелся вновь к жене и детям
бобер с опущенным хвостом.
Но от обид родимый дом,
ему вниманьем не ответил.

Мораль сей басни прозаична —
не чтут предательство в семье.
Держи сомнение в уме,
перед решением быть двуличным.

В свой юбилей

В свой юбилей мне, почему-то, больно слышать,
когда из трубки раздается — не могу.
Как будто каверзный проказник на бегу
мне без особого желанья плюнул в душу.

И закрывается на ключ моя душа.
Сознание мучают взлохмаченные мысли.
Я в сокровенности торжеств не вижу смысла
и не желаю лестных опусов вкушать.

Хочу уткнуться в благодарное плечо
и ощутить незамутненное дыхание.
В общении близком есть свое очарование.
А все другое — это вздохи ни о чем.

С вершины прожитых годов

С вершины прожитых годов
большое кажется мизЕрным,
былое мнение неверным,
и я сменить его готов.

Сегодня, глядя на друзей,
я вспоминаю то былое,
в котором чувство озорное
вело к брожению в душе.

Тогда мы верили в захлеб,
не замечая червоточин.
И дружба та была без точек,
но со стремлением на взлет.

Теперь стремление прошло,
былые язвы оголились.
Шальные чувства притупились,
сомнением сморщено чело.

Хочу

Хоть облаком, хоть тучей
готов я быть на небе.
Хочу с небесной кручи
взглянуть туда, где не был.

Хочу в озерной сини
улыбкой отражаться.
Хочу на зов Отчизны
желаньем отозваться.

Улыбка

Пред выходом в народ в улыбку одевайся.
И трудные дела всегда пойдут на лад.
Улыбку не скрывай, улыбкой отзывайся
на добрые дела и беспокойный взгляд.

Меняют хмурый день улыбчивые люди,
несут заряд добра в колючий нерв толпы.
А где цветет добро, там зло бессильным будет,
и горе не затмит улыбчивость судьбы.

Старушка

Старушка — Божий одуванчик,
неспешно шла по мостовой.
Ее окликнул постовой,
он поступить не мог иначе.

На красный свет плелась старушка
с печальной мыслью о своем —
еще недавно здесь вдвоем
с любимым мужем шла под ручку.

Ни светофор, ни лиц прохожих
она не видела тогда.
Купались в радости года,
был каждый день на миг похожий.

По той проторенной дорожке
теперь она идет одна.
И разве в том ее вина,
что нет того, кто был дороже.

В глазах, подернутых тоскою,
ту скорбь увидел постовой.
Кивнул в поддержку головой
и помахал вослед рукою.

Крик

Если хочешь кричать, то кричи, но красиво,
чтоб от брошенных слов не страдала душа.
Чтоб словесный поток не крушил своей силой
и не рвал перепонки в беззащитных ушах.

Безрассудная злость силе духа не внимлет.
Бесконтрольность эмоций — удел слабака.
Перед тем, как кричать, утоли свою немощь,
посмотрев в небеса, где плывут облака.

Думы

Распрямись моя спина,
раззудись плечо.
Жизнь даренная одна
и единый челн.

Нету времени грустить
и искать покой.
Поспевай веслом грести
жилистой рукой.

Поспевай добро дарить
тем, кто за бортом.
А во зле не стоит жить
и писать свой том.

Дым истории

Машины едут, люди копошатся
в табачно-сизой беспробудной мгле.
Видать в дыму истории свершаться
на нашей доброй матушке Земле.

Дымят заводы, жерла умножая,
дымятся сотни тысяч сигарет.
Земные рощи стонут от пожаров,
и у погоды свой приоритет.

Клубится дым над взорванным покоем,
дымится детства взорванная плоть.
И не дано насилье успокоить,
пока в расценках пролитая кровь.

Букет цветов

Букет цветов в хрустальной вазе —
сказатель прожитых годов.
Прошедших лет уже не сглазить,
они умчались вглубь веков.

Прошедших лет уж не воротишь
и не исправишь их черед.
Закрыты в прошлое ворота
и не найти удобный брод.

Но где-то в памяти безбрежной
струится жизненный ручей.
С ним не иссушится надежда,
где светят тысячи свечей.

Пока людскую память греют
слова о тех, кто улетел,
моя Земля не оскудеет
и не наступит беспредел.

Луна

Была серпом совсем недавно
и вот теперь багровый круг
на нас взирает с неба вдруг
и приглашает на свиданье.

Какая чудная планета —
сама предвестница любви,
в ночи приятный визави,
советчик нужного ответа.

И, видя лунное участие,
я раскрываю перед ней
стихи моих последних дней,
и сердце светится от счастья.

Шалости золотой молодежи

Жил-был отпетый бизнесмен
в своей дворцовой резиденции.
Он что хотел, то и имел,
включая толику потенции.

В обойме были у него жена и несколько любовниц.
Любил он сына своего, но очень странную любовью.

Что не просил блудливый сын, ему все это доставалось.
Еще не выросли усы, а он машин имел не малость.
И не каких-нибудь «Рено» или подержанных «Бугатти».
Блистало золотом новье и отличалось приткой статью.

Гонял паршивец по Москве, не соблюдая местных правил.
Не раз опробовал кювет, и не одну гражданку ранил.
Но деньги делали свое, он оставался неподсудным.
И вновь безудержный содом и слепота подкупных судей.

С подачи папиных друзей простой народ считал за быдло.
Держать распущенность в узде ему постыло и обрыдло.
И за войнушками в компе, он захотел войны в реале,
не уповая на успех, но оставаясь в ареале.

Не он же будет воевать, и пусть погибнут сотни тысяч.
Ему хотелось всех порвать, кто не его дыханием дышит.
И кучка папиных друзей большую драку развязала.
Разрушен новый Колизей, слышны проклятия из зала.

И льется кровь из-под кулис не областного драмтеатра.
Летят ракеты сверху вниз на беззащитного солдата.

И вседозволенность крушит
бесправьем попранные судьбы.
А отпрыск «Браво» верещит
и остается неподсудным.

В Летнем саду

Летний сад озвучили детишки,
здесь театр, там сложный мастер-класс.
И спешат девчонки и мальчишки
кто попеть, а кто пуститься в пляс.

Кто-то рот открыл от пантомимы,
Кто-то шлет послание Петру.
Этот меч кует неумоимо,
тот кораблик выпустил из рук.

И повсюду радостные лица
в интерьере мраморных скульптур.
Как приятно счастьем поделиться
в окружении творческих натур.

Балашихинское счастье

Ты дышала Балашихой,
я лелеял Ярославль.
Белой нитью была шита
наша прежняя печаль.

Но стрелой промчались годы
и сроднил нас Петербург.
Стали общими невзгоды
в череде душевных бурь.

Балашихинское счастье
нынче смотрит на меня.
Я балдею от участия
и любовного огня.

Болезнь

Костыль в изголовье, прикован к кровати.
Проносятся мысли, как злобные тати.
Бушуют в сознании душевные грозы.
И нет в них ни рифмы, ни жизненной прозы.

И тело затихло в сетях непокая,
но сердце не хочет сдаваться без боя.
В блокноте роятся корявые строки,
и память питают святые пророки.

Счастливое детство встает пред глазами.
И каждый сюжет, как невинный экзамен.
Но мне не предписано в детстве остаться.
И я тороплюсь добротой надышаться.

На Волгу выйду...

На Волгу выйду, выплесну унынье,
водой холодной смою отрешенность.
И дам отказ навязчивой гордыне,
той, что была доселе укрощенной.

В порыве чувств открою свою душу
родной реке и берегу крутому.
И плеск воды ответит на радушие
и позовет к родительскому дому.

На даче

На даче все великолепно,
на даче дышится легко.
Там есть не сказочная репка
и до зверей недалеко.

Вчера у дачи прыгал зайчик.
Он был пушистый и большой.
Сказала мама — вот удача,
и я с добром к нему пошел.

Но зайчик глазом покосился
и быстро в рощу побежал.
За ним понесся, что есть силы,
но так его и не догнал.

От превеликого расстройства
вернулся к ягодным кустам.
Под сень смородиновых гроздей,
под шелест влажного листа.

Потом в бассейне охладился
и про зайчонка позабыл.
И только ночью сон приснился,
Как будто он ко мне приплыл.

Лик милой женщины

Лик милой женщины стоит перед глазами.
Я исповедуюсь пред ним с открытым сердцем.
А в небе ангелы родными голосами
Святые посулы выводят по инерции.

Но мне не нужно ни наград, ни поощрений.
Я благодарен им за доброе участие.
Как бескорыстно растаможенное время.
Как восхитительны разбуженные страсти.

Лик милой женщины — божественный орнамент.
Он будет в сердце до последнего дыхания.
Его не спутаешь с иными образами.
Его не скомкают ни дни, ни расстоянья.

Маме

На склоне прожитых рассветов
все мысли тянутся к тебе.
В твоих глазах ищу ответа
в моей стареющей судьбе.

С тупой настырностью листаю
годами трепанный альбом.
Когда-то вместе мы мечтали,
что я не брошу отчий дом.

Что я законную невесту
в твои хоромы приведу.
И пусть стеснительно и тесно,
зато у мамы на виду.

Зато в родительской постели
ты вновь услышишь детский крик.
Но наши гнезда опустели
и мы умчались не на миг.

И я читал в разлуке письма,
обильно мытые слезой.
И впопыхах не видел смысла
делиться радостью с тобой.

Я упивался своим счастьем,
вещал привет издалека.
И не заметил, как в ненастье
безвольно свесилась рука.

И перестало сердце биться
в твоей немеющей груди.
А я не мог в том убедиться
и крикнул — мама, погоди.

Но это позднее прозренье
умчалось с криком в небеса.
С тех пор молю твое прощенье
и вижу милые глаза.

Душевность

В глазах твоих читаю радость,
в улыбке чувствую тепло.
Душевность — это ль ни награда.
Мне с этим очень повезло.

Твое душевное участие
ласкает больше ярких слов.
Я в этом вижу свое счастье,
в любви не нужен богослов.

Толпа

Толпа безудержна по сути,
глупее глупого она.
В ее рядах избыток жути,
в потере чувств ее вина.

Она криклива изначально
и безалаберно дика.
Вселенский гнев — ее начальник,
а гнев — коварная рука.

Ее питает беззаконье
и неприятье правоты.
Ее преследуют зловонье,
потоки крови и гробы.

Подумай, прежде, чем вливаться
в трясины взбалмошных кликуш.
Не лучше ль в памяти остаться
поводырем заблудших душ.

На склоне лет

На склоне зрелых лет природа меня манит,
и я общаюсь с ней во сне и наяву.
То разнотравьем свежескошенным дурманит,
то окунает в росянистую траву.

И я жалею, что доселе не пытался
покинуть дебри городского бытия.
Покорным грешником работе отдавался
и верил искренне, то смачна жизнь моя.

Открыла истину российская глубинка,
снабдили мудростью дремучие леса.
Ласкает душу мне медовая травинка,
уводят к лесу голубые небеса.

Побила жизнь меня...

Побила жизнь меня сполна.
Да я и сам покуролесил.
Уважил города и веси,
испил немерено вина.

Мог каждой клеточкой любить
и каждым нервом ненавидеть.
И не давал друзей в обиду,
за что бывал порою бит.

Не лицемерил и не лгал,
не пресмыкался и не гадил.
И не просил спокойной глади,
а буйство времени искал.

А, если где-то согрешил,
то бог простит мою греховность.
Простит за нежную духовность
и красоту душевных сил.

Город детства

Я город детства показал своей любимой,
Провел по самым удивительным местам.
Не утаил, где мы дрались и где любили,
Где ощущали вкус уже не детских драм.

Она по-детски восхищалась видом Волги,
Дышала воздухом беседки над рекой
И провожала пароходы взглядом долгим,
А я ласкал подругу нежною рукой.

Накрыло нас тогда волною единенья.
Мы ощутили понимание без слов.
Спасибо город за минуты вдохновенья.
Спасибо Волга за открывшуюся новь.

Река детства

Пришел на Волгу, окунулся в детство.
Раскрылась память ярким лепестком.
Здесь все мое нехитрое наследство,
здесь каждый кустик красен и знаком.

Моя река не сдобрена гранитом,
над ней не сводят прелести мостов.
Она течет не тоненькою нитью,
святую ширь я вижу с берегов.

Я вижу мощь степенного течения
и сознаю России моей мощь.
Благодарю за это озаренье.
Мы с Волгой все сумеем превозмочь.

Время писать

Во время перестройки писал я сгоряча —
моим стихам не место и не время.
Но выбросило плесень на солнечный причал,
и светом озарило сучье племя.

Им больше не замазать рифмованную вязь
бездарностью дешевого цинизма.
Пополнилось искусство запретом на боязнь
и полным неприятием нигилизма.

Огненный романс

Сижу один у очага,
читаю в пламени страницы,
в которых нет готовых истин,
но есть реальные слога.

Я их пытаюсь перебрать
с набором нот певучей рифмы.
Язык огня дарует ритмы,
которых мне не подобрать.

И бьется огненный романс,
волнами искр врываясь в небо.
И вместе с ними канул в небыль
мой незаконченный роман.

Тревожный звон

Блистают деньги на кону, а человек — ничто.
Всесильным долларом спешат обидеть ни за что.
Да что обидеть и убить за доллар не грешно.
Грехом богатых покарать наивно и смешно.

Под спудом новеньких банкнот не действует закон.
И богом брошенный упрек клеймят со всех сторон.
И возникает парадокс, влияющий на кон.
И вместо требы в небесах звучит тревожный звон.

Красносельский воздух

Я красносельским воздухом
дышу, не надышусь.
И, не считаясь с возрастом,
о нежности пишу.

Слагаю с доброй рифмою
озерную печаль.
И отдается ритмами
синеющая даль.

И солнышко не прячется
за склонами горы.
Сияет и дурачится
до розовой зари.

По телу разливается
святая благодать.
В сознании пробуждается
стремление созидать.

Эх, ты, душенька моя

Эх, ты, душенька моя,
раскрасавица.
Мне улыбочка твоя
очень нравится.

Ароматные уста
сыплют нежностью.
А кудряшки в волосах
пахнут снежностью.

Я на гибкий стан смотрю,
возбуждаюсь.
Обнимаю поутру
и не каюсь.

Приголубь меня скорей,
кареюкая.
Я от нежности твоей
ой, заохаю.

Заходит солнце...

Заходит солнце, день погожий тает.
Капризный вечер манит облака.
Он, темнокожий, многого не знает,
но следом ночь выводит за бока.

Немая ночь, моей любви подруга.
Она не выдаст тайну никому.
И я уйду по замкнутому кругу
дождливым утром к робкому огню.

Раззудись мое плечо...

Раззудись мое плечо,
развернись душа.
Не попутал меня черт,
девка хороша.

Златовласа и бела,
словно панночка.
Мне б скорее за дела,
да и в банечку.

Ох, попарю я ее
хвойным веничком.
Зарастет потом быльем
наше времечко.

Зарастет оно быльем,
не воротится.
Мне же думать о былом
не захочется.

Страстный рассвет

Рассвет прокрался в спящий дом,
погладил солнечным лучом.
Невольно дрогнула рука,
смутилась девушка слегка.

Потом бровями повела,
рассвет в объятия приняла.
И не жалела добрых слов,
вбирая нежное тепло.

Протяжный стон и страстный крик.
Желанный гость в нее проник.
Она парила в небесах,
и было это не во снах.

Любовь не пятится назад

Прижмись, прижмись к моей груди.
Мне очень ласки не хватает.
Любовь без ласки тихо тает.
Ласкать не хочешь, уходи.

Нет, не спеши, побудь еще.
Твоим теплом я согреваюсь.
За резкость слов, конечно, каюсь.
Поверь, все будет хорошо.

А что грустят твои глаза?
Быть может, ты нашел другую?
Нет, не сердись, я не ревную,
но бесят злые голоса.

Ну, вот опять дрожит слеза,
а он ушел и не простился.
Закат на плечи опустился,
любовь не пятится назад.

Блин

Моднячим стало слово «блин».
Его озвучил не один.
Детишки в садике кричат,
как будто только блин едят.

Несется в школе «блин», да «блин».
Находят тысячу причин,
чтоб потребить сие словцо
и потихоньку и в лицо.

В сердцах бросает слово «блин»
вполне приличный господин.
Ну, что за странная напасть —
блинов неведомая власть.

Возрождение

Следы бездарной перестройки
еще не скрыла мать-земля.
Но вижу грозди янтаря
в листьях лозы посадок стройных.

И сердце бьется учащенно
при виде вскормленной лозы.
В слезинках утренней росы
сияют лики восхищенных.

И оттого душа резвится,
земля несет благую весть.
А это значит, краю цвести,
а людям благостно трудиться.

Ласковое море

Море изумрудное лижет побережье.
Чайки голосистые плавают вдали.
Ветра завывание слух уже не режет.
Под лучами солнышка сердце не болит.

Небо синью хвалится вплоть до горизонта.
На тепло расщедрился золотой песок.
Я без ложной скромности оставляю зонтик,
подставляю солнышку тело на часок.

Только море ластится, манит за собою.
Разве можно выдержать ласковый позыв.
Я бросаюсь с берега и сдаюсь без боя.
Напевает нежности мне морская зыбь.

Прощание с морем

На сонный берег выхожу.
Сегодня мой последний вечер.
На небе звезды, словно свечи,
и явь подобна миражу.

Бренчат монеты в кулаке.
В тон метроному сердце бьется.
Я в мыслях где-то вдалеке.
Ах, море, свидеться ль придется?

А море ласковой волной
мои монеты пожирает.
С песчаной тешится струной
и не поймешь, чего играет.

Быть может, сдержанный вальсок
или пленительное танго.
Морской душевный голосок
не выдает великой тайны.

Обращение к женщине

Прижмись ко мне, родная,
уйми свою печаль.
Сними венок Данаи
и сердцем привечай.

Сегодня не пролиться
мне золотым дождем.
Излишества приличий
от счастья мы не ждем.

Сознание озарила
полночная звезда.
Не жаркое светило,
но это не беда.

Раскройся в одночасье,
Метаксы пригуби.
Запей унынье счастьем,
безбашенно люби.

Утренний порыв

На небе серое унынье
гоняют шустрые ветра.
В отсутствии солнца воздух стынет
и мокнет с самого утра.

В орнамент питерской погоды
стараюсь вовсе не смотреть.
Нет, не прошли лихие годы,
и мне не хочется стареть.

Счастливый взгляд моей подруги
дает добро без всяких слов.
Общенье с лаской — не потуги,
ласкать до колик я готов.

Ах, эти нежные касанья,
ах, этот утренний порыв.
И нет погодных притязаний
на прелесть ласковой игры.

Первая учительница

Учителей встречаешь в жизни много,
но остается в сердце только та,
что нас ведет со школьного порога
в страну познаний первые года

Спасибо ей за мудрое терпенье,
за теплый взгляд и искренность души.
Глубокий смысл ее предназначенья
мы уясняем, только прожив жизнь.

Думы учителя

Мы стоим на солнечном пороге.
На губах открытые улыбки.
Впереди длинная дорога
с осторожным правом на ошибку.

Первый класс нетронутый руками.
Светлый взгляд учительницы первой.
Как же трудно сладить с голосами,
что несут детсадовские перлы.

Как же трудно в крике не сорваться,
не спугнуть наивную пытливость.
Нелегко наставником остаться
для детей родным и справедливым.

Нелегко, но искренние взгляды
заставляют душу раскрываться,
и звучит в сознании слово — надо.
Мы друзьями будем оставаться.

Детские воспоминания

Любуюсь невскою волной, я Волгу вспоминаю.
Бросает мысль меня домой и в детство окунает.
Перед глазами отчий дом, чугунные ворота.
Скамейка — сплетница при нем и двор за поворотом.

Туда мы в детские года от сглаза убегали.
Играли в фантики тогда и голубей гоняли.
И, оставляя битый мяч, во взрослость уходили.
Кого-то ждал простой кирзач, кого-то свет училищ.

Кого-то выбрал институт, кого-то плесень тюрем.
Не все к источнику придут сегодняшней натуры.
На склоне жизненного дня все чаще снится детство.
Вокруг любимая родня и доброе соседство.

Ключевое слово

Чтоб снять излишество проблем,
добавьте слово ключевое.
Из глубины запретных тем
свобода вырвется на волю.

А что в словах считать ключом,
и много ль их у нас в запасе?
Есть много песен ни о чем,
но равнодушие опасней.

Ключом является *любовь*,
но не к себе, а к тем, кто рядом.
И пусть не будет рифмы — кровь
в строках прижизненной баллады.

И пусть вселенское *добро*
на наши плечи обопрется.
И будет выполнен зарок,
который жизнью нам дается.

Нет тебя

Проснулся, рядом нет тебя,
твоей застенчивой улыбки.
И только тени теребят
скупые солнечные блики.

И стало на сердце тоскливо,
в душе уныные заскребло.
Включил приемник говорливый,
хотя бы в этом повезло.

Первая близость

Слетает желтый лист с березы под окном.
И ветер озорной несет его по свету.
А я смотрю на лист, и мысли о былом
ведут меня туда, где я тебя приметил.

Тогда я наблюдал такой же листопад.
По желтому ковру бежала ты навстречу.
Не знаю почему, но был я встрече рад.
Та встреча привела нас в самый чудный вечер.

Игристое вино вписалось в интерьер.
Стыдливая луна запряталась за шторы.
Из памяти ушло приличие манер,
и я с тебя сорвал родительские шоры.

Слиянье потных тел случилось в первый раз.
Я чувствовал тогда дыхание юной розы.
В реальность окунул законченный экстаз.
Туманили глаза предательские слезы.

Душевный изумруд

В преклонные года расщедрилась судьба
и выдала мандат на родственную душу.
Тогда я обещал, что буду подобать,
что буду посылать признание богу в уши.

И я благодарю всевышнего за то,
что скрасил мою жизнь душевным изумрудом.
Мне рано подводить свой жизненный итог
с той женщиной, что я считаю милым другом.

Шавки

Куда ни глянь, сплошные шавки
в реестре званий и постов.
Они спешат визгливо гавкать
с больших трибун, не из кустов.

Ретивей всех французский пудель,
хотя вельможистых кровей.
На вид не циник и не блудень,
без хищных брызг из-под бровей.

Умней немецкая овчарка,
хвостом виляет не всегда.
Но тоже лает по запарке
в свои почтенные года.

Звончее шавки молодые
дворовых, пестреньких мастей.
Они по внешности худые,
но по характеру лютей.

У них единственный хозяин
с заокеанских берегов.
Он только тем сегодня занят,
что шавок травит на врагов.

И шавки хором начинают,
заслышав грозное — ату.
Визжат, прекрасно понимая,
что лай уходит в пустоту.

Визжат с желанием собраться,
и по команде покусать.
Но только лай от этой братии
сегодня можно ожидать.

Словарный скарб перебирая

Сказал я много нежных слов.
А сколько их осталось в горле,
все потому, что яркий слог
тугим узлом сдавила гордость.

Все потому, что в юный бред
вмешалась старческая робость.
И я не мог унять запрет,
который был безумно строгим.

И вот сижу в тени годов,
словарный скарб перебираю.
Сказать бы многое готов,
но не вернуть людей из рая.

Не отодвинуть время вспять
ни наяву, ни понарошку.
И сердце съежилось опять
от черствой праведности в прошлом.

Праздник осени

Праздник осени в детском саду.
Листья желтые в каждом наряде.
Сидит бабушка в первом ряду.
Седина тербит ее пряди.

А на сцене кружат малыши
под шуршащую трель листопада.
Их движения так хороши,
но для бабушки внука — отрада.

Она ловит ее каждый жест,
каждый слог из рассказанной рифмы.
И хвалебных посылов не счесть.
Бьется сердце восторженным ритмом.

Омут забвения

Забвенья омут бездуховный
втянул мою седую плоть.
Его студёные оковы
связали чувств круговорот.

В ночной тиши разбухли вены,
в ушах не слышен перезвон.
Мне не делиться сокровенным
под шумный плеск житейских волн.

Бубнит ворчливая старуха
остывшей памяти моей.
В душе никчемная разруха
на стыке рифмы и идей.

Мой стих

Мой стих — распахнутое сердце.
Я слышу в нем биенье рифм.
Он так же быстр, подобно скерцо,
и, как всевышний, справедлив.

Слова, рожденные сознанием,
проходят фильтр моей души.
Они вызывают к созиданью
в укрытой нежностью тиши.

В них нет намека на насилие
и на безликую хулу.
Они — глашатаи России,
ее бесчисленных заслуг.

Единство

Единым разумом, единым организмом
страна ответила на происки врагов.
В одном строю прошли фанаты коммунизма
и те, кто к новым устремлениям готов.

Плечом к плечу шагали молодость и опыт,
владыки недр и покорители высот.
И никакая политическая копоть
не заслонила Богом избранный народ.

Восстали вновь из пепла Минин и Пожарский.
Казанской матери икона поднялась.
И озарили высь взошедшие Стожары,
и над Россиею зарница занялась.

Наши миротворцы

Облаков стада синеву жуют.
Ясно солнышко возмущается.
Гуси-лебеди чисту воду пьют,
чисту воду пьют, напиваются.

Лебедей манит даль заморская,
но далек тот путь в земли жаркие.
Полетят они миротворцами,
впереди вожак, дальше парами.

Понесут они правду-матушку,
добру весточку от Россиишки.
Пусть не чтут ее за косматую,
не пугаются нашей силушки.

Я верю...

Я верю, что поэзия моя
в сердцах людей надеждой отзовется.
Оставит след и вновь ко мне вернется
блаженным светом нового огня.

И возгорит рифмованная нить
в продрогших недрах творческой лампы.
И не найдется взбалмашной Наяды,
что пожелает рифму затушить.

Я поэзией делился...

Что за черт в меня вселился
снежным ноябрем.
Я поэзией делился,
словно серебром.

Раздавал лихие рифмы,
не жалея слов.
И не знал, что стильным ритмам
нужен богослов.

Раскрывал стихами правду,
налегал на честь.
И хотел добром подправить
нудный манифест.

Но не каждому хотелось
будоражить честь.
А ведь правду между делом
не грешно прочесть.

Тревожное молчанье

Звонка тревожное молчанье
я постоянно ощущаю.
А мне так хочется звучанья,
потом привет, ты ждешь, я знаю.

А дальше — но... опять причина,
чтоб не звонить и не приехать.
И вновь настырная кручина,
а в сердце новая прореха.

Так не нарочно, незлобиво
меня насилует мой мальчик.
А я надеюсь терпеливо
на тот возможный миг удачи.

Ко мне приедет мое чадо
не между делом, не наскоком.
И я прочту простую радость
во взгляде нежном и глубоком.

Во имя матери и дитя

Во имя матери и дитя,
во имя непоказного счастья
потоки звезд над землей летят,
и солнце дарит свое участие.

Воркуют аисты на столбах,
и соловьи будоражат трелью.
О них поэты поют в стихах,
как стародавние менестрели.

Журчит родник у подножья скал,
цветут сады, зеленеют нивы,
к морским просторам течет река,
ее покой охраняют ивы.

Во имя матери и дитя
шагает воин в пучину схватки.
Полощет ветер российский стяг
не с озлобленьем, а для порядка.

Любовь

Прошли те юные года,
когда дарил любовь напрасно.
Я знал, что это не опасно,
на малый срок, не навсегда.

И так и было до поры.
Хотел — любил, хотел — расстался.
И никогда не оставался
в любовной страсти вне игры.

Но, видно время подошло,
и я чуток остепенился.
На милой девушке женился,
считал, что с нею повезло.

И, по прошествии годов,
я также трепетно считаю.
Альбом потрепанный листаю
и вспоминаю ту любовь.

Предновогодний ажиотаж

Мы вышли в вечер нараспашку.
Снежок осыпал наши плечи.
Идем неспешно к Думской башне,
где фонари горят, как свечи.

Взирают Невского витрины
на озорную бесшабашность.
Предновогодние картины,
от них сегодня сносит башню.

Людское море заливает
булыжный профиль тротуаров.
Мороз улыбкой зазывает,
да и Снегурочка в ударе.

Люби меня, люби

Смешинки синих глаз
ласкаю нежным взглядом.
Твой яркий маникюр
дрожит в моей руке.

Тоска ушла совсем,
ведь ты со мною рядом.
Я чувствую тепло
в знакомом говорке.

За этот говорок
готов отдать полжизни.
Взаимное тепло
струится из груди.

Я кутаю тебя
волною альтруизма
и тихо говорю —
люби меня, люби.

Я готов

Ах, как хочется мне
оградить тебя сильным крылом
от житейских невзгод
и проказ надоедливой хвори.

Чтобы нежным теплом
согревался твой песенный дом,
и открытое сердце
порой не щемило от горя.

Я готов мягкой рифмой
усыпать твой жизненный путь,
разогнать облака,
что кружат над твоей головою.

Ну, а ты в моей жизни
звездой путеводною будь.
Как прекрасно творить,
когда делишь любовь со звездою.

Как правы мудрые пророки...

Жду новый сборник с нетерпением,
почтовый ящик терблю.
И вновь приходит озаренье,
и снова — я тебя люблю.

И снова ласковые строки
ложатся в спешке на листок.
Как правы мудрые пророки,
стихам не свойственен итог.

Стихи выходят из сознания
пока волнуется душа.
И нет такого мироздания,
где Музы власть не хороша.

Где в спешке дней не чтут поэтов
и не читают их стихов.
Умрет искусство без ответа,
а с ним наследие веков.

Как жаль...

Как жаль, что в жизни не всегда
добро добром нам отдается.
Забвенья талая вода
у наших ног порой скребется.

Зловонной злобы лебеда
терзает праведную ниву.
И только общая беда
дает нам доброе огниво.

И возгорает пламя чувств,
но тем теплом уж не согреться.
Последний хрип с холодных уст,
и никуда теперь не деться.

Читателям своим...

Читателям своим я рифму посвящаю.
За вязью первых строк я вижу их глаза.
Их доброе тепло душа моя вмещает.
И хочется идти вперед, а не назад.

И хочется творить, не ведая покоя.
Копытом ритмы бьет мой преданный Пегас.
И я не тороплюсь Пегаса успокоить,
и отгоняю мысль про творческий запас.

После концерта

Ольге Кормухиной посвящается

Концерт прошел, но ком воспоминаний
тиранил глотку несколько часов.
Чело покрылось тенью состраданий.
Я падать в небо с песней был готов.

Встряхнула душу хрупкая певица.
Прошлась по нервам мудростью стиха.
Я вдруг увидел дерзкую зарницу,
в лучах которой Русь моя тиха.

На страже снова русский Севастополь
с надежным рейдом русских кораблей.
И православье с верностью истокам.
И песнопенье белых лебедей.

Вместилась в сердце целая эпоха.
Вошла в сознание каждая строка.
Блистала Дева в образе пророка.
Кромсала воздух нежная рука.

У камина

Зазывает снегом заоконье,
а в камине теплится огонь.
Я стараюсь думать об исконном,
о проблемах думать не резон.

Но сгорают скомканные мысли
на конце дрожащего огня.
Жить без нежной рифмы я не мыслю,
а она уходит от меня.

Слуги колонтитулов и штампов
в душу мне пытаются плевать.
Полчища придирчивых сатрапов
вынуждают с ними воевать.

И тогда на вид со снеженным полем
я сменил каминное тепло.
Рифму, что печалилась на воле,
с нежностью занес под свой полог.

Кричит душа...

Кричит душа, куда-то рвется,
а я не в силах обуздать.
И в сердце гулом отдается
совсем не божья благодать.

И я с тоской кусаю локти,
боюсь в агонии пропасть.
А Пушкин смотрит исподлобья
на мной написанную страсть.

И я безжалостно сминаю
строкою пачканный дневник.
Писать по новой начинаю
сюжет не знавших света книг.

Писать безропотно придется,
успеть бы вовремя издать.
Кричит душа, куда-то рвется,
ее не в силах обуздать.

Пролетели зрелые года

Долюбить, домыслить, дописать.
Сколько «до» еще смогу успеть?
Мимоходом божья благодать
не пыталась мне псалом пропеть.

Мне б дослушать невскую волну,
мне б людским нектаром додышать.
Я не вник душою в глубину
и с вершиной ладил не спеша.

Прожигал мгновенья без нужды,
но спиртного бочку не допил.
Не держал стремленья за узды
и отцов цензуры материл.

Пролетели зрелые года,
перезрелость ринулась спасать.
Только даст ли внешняя вода
долюбить, домыслить, дописать?

Любовь

А есть ли истина в любовных отношениях?
А есть ли правила в созвездии любви?
Любовь подвержена мечтам и прегрешеньям.
Порой всплывает в отношениях — *селяви*.

Любовь бывает безрассудной и жестокой,
но безобидной не бывает никогда.
Она способна поразить, подобно току,
и разлучить два нежных сердца навсегда.

Она огнем своим сжигает без остатка
и вдохновляет на великие дела.
Она бывает то окисленной, то сладкой,
и не всегда несет покой ее хвала.

Но сколько б ни было бесчисленных оттенков
в земной палитре человеческой любви.
Не оставайтесь в отношениях просто тенью,
старайтесь верить, наслаждаться и любить.

Раннее пробуждение

Я покой свой потерял на рассвете.
Взбудоражили стихи — мои дети.
Рифмой застили глаза, ослепили.
Ямбом взвыли голоса, оглушили.

Я берушами снабдил изголовье,
только просятся частушки на волю.
Разрывает мою грудь песнопенье.
Намекает мне хорей на везенье.

Отбиваюсь, как могу, от верлибра,
но ударил белый стих всем калибром.
Лезут в душу анапест, амфибрахий,
подбивают перейти мне на дактиль.

Вот такая приключилась морока,
я проснулся, поседевши до срока.
Я проснулся, разродился стихами
и теперь делюсь творением с вами.

Не для того...

Не для того детей рожают мамы,
чтоб из-под их надежного крыла
они ушли в окопы диорамы,
и там остались юные тела.

Не для того, чтоб огненные вихри
порабощали ценности Земли,
и, опалив березовые вихры,
рвались людские души опалить.

Не для того, чтоб морщились от *спида*
до сей поры здоровые сердца.
А кошельком оправданные гниды
несли корону честного истца.

Не для того, чтоб где-то на задворках
искали корм бродячие бомжи.
Не для того, чтоб с бряцаньем затвора,
была пробита пулей чья-то жизнь.

Песнь поэтических умов

Век золотой и век серебряный —
песнь поэтических умов.
Их страстный труд проверен временем
и стал наследием миров.

С биеньем рифм сверялись ценности,
дарил покой душевный слог.
И даже с мыслями о бренности
никто не верил в эпилог.

Поэма, битая цензурою,
дошла тайком до наших дней,
явилась с песенной натурою,
чтоб освятить свой юбилей.

И возрожденная, окрепшая
взошла поэзия веков.
Век золотой и век серебряный
теперь свободны от оков.

Обесцененный товар

Прошли года, когда поэзия
питала праведную жизнь.
Когда строкой вела агрессию
на покорение вершин.

Сегодня много в мире пишется
не поэтической строкой.
И не везде свободой дышится
под рифмой, сдавленной рукой.

Лежит товаром обесцененным
на пыльной полке нежный стих.
А тот, что скрашен биркой ценности,
в кругу бестселлеров затих.

Бурлит содружество писателей,
копаясь в тощих кошельках.
Живут поэты самиздатами,
лелея Музу на руках.

Ах, Муза...

Ах, Муза, что тебе неймется,
зачем терзаешь душу мне?
Волнение в сердце отдается.
Сознание будто бы в огне.

А ты по-девичьи смеешься,
нарочно путаешь слога.
Беспечно прозе отдаешься,
а мне поэзия близка.

Я присягнул задорной рифме,
убрал печаль из прежних строк,
отбросил скуку алгоритма
и повернулся на восток.

Уймись, настырная плутовка,
закрой не начатый роман.
В салон рифмованной тусовки
ворвался новый талисман.

Две поэтических души

Две поэтических души
сошлись в высоком занебесье.
Звучал псалом протяжной песней
в созвездии праведной глуши.

Одна душа шептала вслух —
я вам пишу, чего же боле.
Случилось все по Божьей воле,
но Бог тогда был нем и глух.

Души другой раздался крик —
погиб поэт — невольник чести.
Взвилась рука никчемной мести,
в глазах застыл последний миг.

Во всем повинна не дуэль,
всему виной стрела коварства,
что поразила дух бунтарства,
а с ним и ангельскую трель.

Но дух бунтарства воспарил,
и трель поэтов не умолкла.
Летают души в самоволке,
их черный ворон не сгубил.

Старческие метаморфозы

Мгновенья не ценил, минутами швырялся,
неспешные года бездумно подгонял.
В реальность не вникал, соблазнам доверялся
и разумом своим со смаком понукал.

И верил, никогда меня не сманит старость,
манерной сединой года не соблазнят.
Но свесилась на грудь коварная усталость,
и в лысой голове претензии шумят.

И я теперь ценю минуты и мгновенья,
спешащие года пытаюсь обуздать.
Стараюсь в небесах найти свое знаменье
и часть тревожных дум всевышнему отдать.

В глазах голубых...

В глазах голубых я намерен читать
счастливых томов бесконечность.
Ах, если б ты знала, как чудно листать
любовь, уводящую в вечность.

Листать осторожно, боясь надорвать
страницы подаренной книги.
Читать с наслаждением, пытаясь сорвать
минувших томлений вериги.

И видеть улыбку в цветении глаз,
и чувствовать каждую клеткой
любовных творений волшебный экстаз,
и быть благодарным за это.

А мир все равно прекрасен...

А мир все равно прекрасен
Журчаньем ручьев весенних,
Палитрой садовых красок,
Чудной партитурой звени.

Свой лик подставляю ветру
Задиристому и родному.
Восход мой сегодня светел,
Биение сердца в норме.

Я радуюсь каждой птахе,
Любуюсь любым пейзажем.
И тело не бьется в страхе,
Я снова в покое зажил.

Альбом

Покрылся пылью мой альбом, совсем забытый.
И вот сижу я за столом, хмельной и сытый.

На фото прошлые следы беспутной жизни.
На них остался молодым, но не двужильным.

Застыли маты на губах плохой компании,
А я стою не при делах, но с юной Таней.

Мгновенья жизни пронесли с листов альбома.
Одни в неведение ушли, а этот помер.

Одни с удачною судьбой, другие — с хилой.
А я люблюсь вновь тобой с двойною силой.

Была ты первою тогда с открытым сердцем.
Я на ромашках не гадал, а видел жертву.

Твои глаза волнуют вновь мое сознание.
Прости меня за резкость слов и за страданье.

Америка

Свобода слова, свобода слова —
Кричит Америка на каждом углу.
И не похожа на пустослова,
Но в тех кричаньях словесный блуд.

Она блудлива по самой сути,
Довлеет доллар в ее словах.
Она — источник кромешной жути,
И доля скверны в ее руках.

Она звереет по праву сильных,
Ей это право никто не дал.
Своей политикой агрессивной
Она ввалилась на пьедестал.

Ангел и демон

Ты — мой ангел небесный, ты — мой демон земной.
Я за ангельской песней шел, как путник слепой.

Иногда спотыкался за бездарную ложь,
Но опять откликался на красивую плоть.

Я ласкал твое тело, закрывая глаза,
А в душе опустелой шевелилась слеза.

Заглушал поцелуем свой душевный надрыв
И не грезил о лучшем, и не плакал навзрыд.

Как обветренный странник возвращался домой
И зализывал раны от любви неземной.

Ни о чем не жалею, и замен не ищу
Я тобою болею и тобою живу.

Жизнь моя интересна тем, что ладит с судьбой.
Ты — мой ангел небесный, ты — мой демон земной.

Апрашка

Каждый день зазывает Апрашка,
Не похмельная и не алкашка.
В ней химичат восточные люди,
А восток напиваться не будет.

Предлагают штиблеты и шляпки,
Вынимают различные тряпки.
Глаз ласкают изделия из кожи
И бальзамы для тела и рожи.

Для мужчин предлагаются джинсы,
Приглашают пройти за кулисы.
А в соседней каморке детишкам
Примеряют в заплатах штанишки.

А для каждой бедовой девчонки
Есть бикини и супер юбчонки.
В них основой фиговый листик,
Оттого-то и ценник немислим.

В общем, бойко идет распродажа
Без злословия и эпатажа
От зари до последней рубашки
На прославившей Питер Апрашке.

Баба Вера

Баба Вера, баба Вера,
Сколько жизнь тебя шпыняла,
Заставляла жить без веры
И из дому выгоняла.

Боль потери нагружала
На твои худые плечи.
И с издевкой намекала:
Время лечит, время лечит.

По нескошенным проселкам
Исходила ты немало.
Путь твой горек и просолен,
Мало сладкого бывало.

За святое милосердие
Доставались только шишки.
Но твое большое сердце
Откликалось новой жизни.

И надеждой озарялась
Глаз лукавая хитринка.
И залечивались раны
Без наркоза, по старинке.

И сейчас душевно лечит бабы Верина добринка.
Мы к ее спокойной речи прирастаем, как былинки.

В канун Христова Рождества

В канун Христова Рождества
я утопил в вине свой ум,
И тут такое началось,
что и врагу не пожелаешь.

Верхом ракету оседлав,
махал из космоса мой кум,
А взбудораженный сосед
рычал, визжал и громко лаял.

Жена с большой сковородой
кричала что-то про любовь.
Родное тещино лицо
мне наяву язык казало.

Большой кулак занес зятек,
в его глазах бурлила кровь.
А наплевавшая на стыд,
сноха бюстгальтером махала.

Меня хватил немой кондрат,
поднялся волос на башке.
И вдруг пропали разом все,
со мной остались только черти.

Но эта нечисть мне близка,
ее гульба в моей руке,
И с ней общаться я привык,
хотите верьте иль не верьте.

Бежим куда-то...

Бежим куда-то, суетимся.
Шуршат листы календаря.
Одних ведет карьерный стимул,
Других — духовная заря.

Бежим, порой не замечая,
Родных по духу и судьбе
И беспардонно огорчаем
Кого приблизили к себе.

Разочарованным набатом
Звучит житейский метроном.
И тянет к низу век горбатый,
Подкараулив за углом.

И озабоченные лица —
Основа местных витражей.
Они взирают с обелисков
Литых героев и вождей.

Белая голубка

Голубка белая в окошко постучалась,
И я впустил ее, озябшую, в покои.
Она, влетев, ко мне головкою прижалась
И отдалась моим желаниям покорно.

Я не дышал на это чудное создание.
Я на руках ее носил, не уставая.
Она, коварная, считала это данью
И мне желания на ушко напевала.

И я повелся на навязчивое пенье,
Раскрыв пред страстью своей не только душу.
Она усвоила источник откровений,
И стала чувственность ее прохладней стужи.

И вот уж ворон появился пред глазами.
Расправил крылья предо мною черный ворон.
Сменились трели разбитными голосами,
Как будто в доме завелась блатная свора.

Я попытался разглядеть свою голубку
Под черным трауром вороньего обличья.
И вдруг услышал, что любовь — большая глупость,
Что в пошлом мире ей уже не до приличий.

Большие деньги

Где деньги, там правит ложь,
Где ложь, там лафа насилью,
Там жизнь отдают за грош,
А совесть сминают силой.

Где деньги, там льется кровь
Пред богом ни в чем невинных.
Забиты утробы рвов
Останками тел былинных.

Где деньги, там нет добра,
Там вера валютой пахнет,
Там принято только брать
На долгую псевдопамять.

От денег сплошное зло
Терзает родную землю.
Давайте ему назло
Сердечную правду сеять.

Биография в 6 П

Сначала **Патриот**, потом уж **Петербуржец**,
Потом **Пенсионер** на склоне ярких лет.
Но кланяюсь сейчас родному Петербургу,
За то, что подарил призвание — **Поэт**.

Я строки рифмовал, не думая о славе.
Мне ямб колол глаза, и душу рвал хорей.
Созрел в моей груди **Писатель** в виде лавы,
Которая взошла в бунтарской голове.

Выбрасывал вулкан бесчувственные строки,
В которых, иногда, читался классицизм.
Но виделись в строках унылые пороки,
А я кричал вздохом — готовый **Публицист**.

Так жизнь моя течет по замкнутому кругу,
В котором только **П** диктует новый день.
А я хочу писать единственному другу,
Который, как и я, сиянье, но не тень.

Беспутная жизнь

Ты разум утопила в кружке пива
И нежность отдала за банку джина.
Под кайфом заявляла мне строптиво,
Что если я не пью, я не мужчина.

Насытившись беспутством, возвращалась,
Дарила мне минутное свечение
И также беззастенчиво прощалась,
Спеша на распродажу развлечений.

Я верил и упорно дожидался,
Любил и жил последнюю надеждой.
Жалею, что не выдержал, расстался,
Но лучше уж не жить, чем жить, как прежде.

Беспутную хандру и тягу к рюмке
Я вылечить не смог своей любовью,
Не смог отдать судьбу в хмельные руки.
За это сердце бьет щемящей болью.

Братоубийственная война

Война развела по разным окопам
Друзей из детства, отца и сына,
Накрыла позиции шрапнелью скорби,
Вложила в разум безумство силы.

Юнцы смешались группами крови,
Земля покрылась пушечным мясом.
У прибыль делящих другие роли —
Быть кукловодом для серой массы.

И запад спешит порешить с востоком,
Готов пойти на любые жертвы.
Им каждая жертва — бальзам восторгов,
Шакалий пир над чужою смертью.

В поисках женщины

Смотрю с любовью я на женщин,
Стараюсь втиснуться в сознание.
В глазах же вижу напряжение
И тусклый свет непонимания.

Одни скорей спешат убраться,
Другие сумки прижимают.
А я хочу в любви признаться,
Найти любимую пытаюсь.

Ну что ж вы, милые кокетки,
Потупив взор, пройти спешите.
Судьбу, крапленую рулеткой,
Своей судьбой не тормозите.

Я не альфонс и не обманщик.
Я милый друг с открытым сердцем.
Не нужно ждать небесной манны,
Молясь всевышнему усердно.

Возвращение в юность

Здравствуй, юность моя бесшабашная,
Здравствуй двор с обновленным асфальтом.
Принимай ненадолго пропавшего,
Я вернулся без капельки фальши.

Я вернулся, чтоб старость горбатая
Распрямилась от шествия в юность,
Чтоб меня моя Волга сосватала
С ненаглядной по имени Нужность.

Я воспряну над волжскими плесами,
Оживлю заскорузлую память,
И к подножью заплаканной осени
Прикоснусь молодыми губами.

Взглянув на скромность...

Взглянув на скромность ветхого жилья,
Меня спросили, чем же ты богат?
Без ложной скромности ответил я —
Цветенье чувств дороже во сто крат.

Богат я тем, что светлая душа
Не заросла забвенья лебедой,
Что я готов навстречу сделать шаг
Всем тем, кто нынче встретился с бедой.

Готов общаться с тем, кто нелюдим,
Готов носить калеку на руках.
Мое богатство в трепетной любви
К любой букашке в скошенных лугах.

Других богатств не требует душа,
К другому счастью сердце не лежит.
Я не желаю сердце загружать
Ненужным визгом алчности и лжи.

Видение

В один из новогодних вечеров
Я встретил белокурое виденье,
Расслабился, и мой открытый рот
Заклинило гостям на удивленье.

Меня связала робость по рукам,
Она перехватила мне дыханье
И не давала выхода словам
Для милого и нежного созданья.

И только ошалевшие глаза
Невольно разразились восхищеньем,
Да пели озорные голоса
В мозгу, но мне хотелось подушевной.

Пока искал душевные слова,
Волненьем пересилив свою робость,
Видение другой околдовал,
С издевкой намекнув на близкий локоть.

Волчары

Куда ни глянь, одни волчары.
Волчары от юриспруденции,
Волчары от адвокатуры.
И никуда от них не денешься,
И нет от них крутой микстуры.

Они вгрызаются клыками.
Клыками метят нерешительность,
Клыками давят на законы.
Законы те корыстью шитые,
И мечены монетным звоном.

Вопли рублевской тусовки

Шумит рублевская тусовка,
скулят балованные сучки.
Богем общается с массовой
и голосит про невезучесть.

Отдайте западные блюда,
не можем больше без фуа-гры.
Без них ни радости, ни блуда,
а только признаки подагры.

Верните устрицы и крабы,
свободу сыру камамберу.
Страной рулят одни сатрапы,
нет демократии, нет меры.

Вещают с песенной арены
о благах западного мира.
А слышно отзвуки измены
из уст продажного кумира.

Время и жизнь

Из века в век колдует время
Над человеческой душой.
Кого-то жалует сомнением,
Кого-то думой вводит в шок.

Кому-то дарует творенье,
Ведя по жизни, не спеша.
Кого-то потчует знаменьем,
В тиши суд праведный верша.

И есть, конечно, в каждой жизни
Рациональное зерно.
Одним служить родной Отчизне,
Другим пахать земную новь.

Одним лететь к другим планетам,
Иным остаться на Земле.
А мне досталось быть поэтом,
И я несу сей амулет.

Вячеславу Кузнецову

Хочу кромсать твоею рифмой
Хапуг, профанов, палачей.
Хочу долбать призывным ритмом
Оглохших в наглости рвачей.

Твоя лирическая свечка
Зажгла огонь в моей груди.
Я не забуду чудный вечер
И твой восторженный мотив.

Ты высекал из слова искры,
Каких теперь не отыскать.
Ты преподавал мне столько истин,
Что их нельзя пересчитать.

Я открываю с наслаждением
Твой сердцем пережитый *век*.
Какое сильное творенье,
Какой громадный *человек*.

Где-то стонет земля...

Где-то стонет земля,
где-то рвутся снаряды,
Оставляя в руинах
благодать городов.

Столько жертвенных тел
даже черту не надо,
Его смертный чертог
всех забрать не готов.

Покраснели луга
от свернувшейся крови,
Задохнулись от гари
полевые цветы.

Даже взгляд у небес
стал излишне суровым
От дымящих остатков
былой красоты.

Голубое небо

Наконец-то небо голубое,
наконец-то солнце озорное.
Вот и нет уже душевной боли
и следов телесного озноба.

Жизнь спешит восторгом насладиться,
пробежать по солнечным протокам.
Как приятно солнышком напиться,
как душевно выбраться к истокам.

Я молюсь на небо голубое,
улыбаюсь солнцу озорному.
Это небо смотрит за тобою
и зовет к родительскому дому.

Два дня...

Два дня я дышал тобой,
Два дня я тебя ласкал,
Делился своей мечтой,
Вериги с души срывал.

И вот я опять один,
Притихла мужская плоть.
Родная моя, приди,
Согрей молодым теплом.

Ласкай молодой рукой
Открытость моих седин,
Вниманием успокой
И больше не уходи.

Гитара с порванной струной...

Гитара с порванной струной лежит во тьме чулана.
Ее хозяин за стеной сминает плоть дивана.
Когда-то были, как тандем хозяин и гитара.
Из струн струилось много тем застольного вокала.

Но больше было про любовь и искренние чувства.
С аккордом струн бурлила кровь и плакалось от грусти.
Звучали струны у костра озерного привала.
Гитара в дальние места надежду зазывала.

Тряслась гитарная струна по кочкам бездорожья.
И с нею певчая весна неслась за молодежью.
Слились гитара и поэт в житейской круговерти,
И вдруг распался наш дуэт, не выдержав до смерти.

Струну коварная любовь изменою порвала.
А без струны гитара вновь уже не зазвучала.
И вот хозяин за стеной сминает плоть дивана.
Гитара с порванной струной лежит во тьме чулана.

Два слова

В письме два слова, но каких,
Дороже многих многословий.
Я не желаю слов других
И не хочу иных условий.

Ласкает тихое «люблю»,
Волнует звонкое «целую».
И я в ответ благодарю
Мою принцессу неземную.

Я с вдохновением пишу
Свою любовную поэму.
Я сочность рифмы не ищу
И смыслу разума не внемлю.

Не нужен смысл, когда душа
Диктует таинство сонетов.
И просит сделать первый шаг
К любви чарующему свету.

День авиации

День авиации — интеллигентный праздник.
Ему претит шумливая рисовка.
Приходит в гости к нам он без соблазнов
Войти в загул с общественной массовой.

С его приходом небо расцветает.
Художник — ас воздушного пространства.
Он, словно бог, над нами пролетает,
И в том его святое постоянство.

Российский праздник тех, кто связан с небом,
Кто по-простецки спорит с высотой.
В простор небес влечет мужская нежность
К голубизне воздушного раздолья.

Ведь только там становится понятно
Как велико небесное влечение.
Нам в этот праздник хочется признаться
В большой любви к земному притяженью.

День рождения

За равноденствием как раз
весной я родился.
Стрельнуло солнце прямо в глаз
и я раздухарился.

Помчался с волжских берегов
мой крик по всей округе.
Он возвещал, что я здоров,
встречайте меня, люди.

Ему откликнулись тот час
гудками пароходы.
И я сфонтанил в первый раз
при всем честном народе.

С тех пор минуло много лет
и много равноденствий,
Но каждый мартовский привет
меня приводит в детство.

Деревенская банька

Солнце, воздух и вода —
От простуды ни следа.
Окунись в студеной речке,
А потом в тепло, на печку.

А в субботний вечер банька,
Банька — это вам не ванна.
Теплым веничком по телу,
Чтоб головка не болела.

Голышом к студеной речке,
А потом в парной местечко.
Так, пожалуй, шесть разков,
Скинешь этак сто оков.

А с холодненьким пивком
Жизнь сладка, что хлеб с медком.
Зарядись на всю неделю,
Чтобы хворь не одолела.

Душевный мрак

Свинцовой серостью укутана окрестность,
Настырный ветер мою душу бережит.
Мне нелегко в холодном мареве воскреснуть,
Ужели лучшее осталось позади?

Но солнце выйдет все равно, а солнце выйдет.
Придет рассвет в мою остывшую судьбу.
Природа с чувством распахнет цветные виды,
И я с тобой к ее сокровищам приду.

Я напою тебя прозрачною росой,
Я проведу тебя по алому ковру.
Душевный мрак уйдет с последнею слезою,
Она согреет мне истерзанную грудь.

Достоинство и честь

Шагов людских не перечеть,
Но только два с нетленным грузом.
Один — достоинство и честь,
Другой — предательство и трусость.

Предвестник славы первый груз,
Второй встречается с презреньем.
Судьею быть я не берусь,
Но честь достойна уваженья.

Отвагой красен человек,
Силен душою благородной.
Готов пролить он кровь из вен
Для счастья целого народа.

Он за Отчизну жизнь отдаст,
Совсем не думая о славе.
Ему на небе Бог воздаст,
А на земле народ прославит.

Думы в День космонавтики

А как бы я себя повел при перегрузке,
А как бы я летел в космической тиши,
И ждали б вы меня любимые подружки
Не в шумном сити, а в какой-нибудь глуши?

Искал бы землю я пугливыми глазами,
Иль бы задором излучался острый взгляд?
Как я общался бы с земными голосами,
Каким из них я несказанно был бы рад?

Других вопросов не могу уже припомнить,
Их в невесомость безвозвратно унесло.
Но помню точно, я друзей позвал на помощь,
И эту помощь мне виденье принесло.

Друг мой Невский

Друг мой Невский, что ж ты сдался
в лапы местных зазывал,
С духом праздника расстался,
лик величия примял.

Разномастные агенты
без конца снуют в толпе.
Их шальные комплименты
нам приходится терпеть.

Не протягивай листовку
и не стой, как истукан.
Петербургские красоты
не тяни на задний план.

Дай спокойно насладиться
Теплотой людских сердец.
Дай в историю внедриться
И влюбиться, наконец.

Душой открытой...

Душой открытой, бескорыстной
Я обратился к миру грез.
Идя в него без алых роз,
Свою судьбу связал я с риском.

Рискую я совсем немногим, —
Войдя в мир грез, подумал я.
Но мир раскрылся для меня
Волшебным счастьем однобоким.

В нем все улыбчиво общались,
В нем все искрилось и цвело.
Мне там увидеть довелось
Смешливый взгляд из-под вуали.

И был тот взгляд лазурней моря,
Призывней света маяка.
Ее красивая рука
Меня лишила прежней воли.

Я с той поры иду по свету,
Ищу ее смешливый взгляд.
Ее обнять я был бы рад,
А мне кричат — таких уж нету.

Женщина — весна

Ну почему один лишь только день
Мы называем светлым женским днем?
И почему так долго ждать сирень
И незабудки в поле молодом?

Я отдаю для женщин всю весну,
И каждый день цветочно-озорной,
И пылких чувств святую белизну,
Готов стелить ковром у женских ног.

Ах, как прекрасна *женщина — весна*,
И только ей подвластно оживить
Застывший вид земного полотна
И благодать оттаявшей любви.

Желчь

Есть сорт людей, из вен которых
Выходит желчь сплошным потоком.
Их ракурс жизненных историй
Всегда грешит одним итогом.

Живя в стране, страну обгадить
Для кучки желчных верх геройства.
Они тайком учились гадить,
Травя соседей в компостройке.

Вонючий воздух диссидентства
Питает их развязной силой.
За скучной маской лицедея
Не каждый видит знак насилия.

Они страдают фарисейством
И бредят фабулой страданий.
Коварно данное соседство,
Печальна участь ожиданий.

Женский ангел

Мне в этой жизни очень повезло,
Все потому, что милый женский ангел
Меня хранит невидимым крылом
И никогда хранить не перестанет.

В далеком детстве в мамино плечо
Я изливал не детские обиды.
Не назиданьем пресным был учен,
Когда в ночи домой являлся битым.

Я ощущал целебное тепло
С душевной искрой доброго участия.
И становилось просто и светло,
Но я не думал, что питаюсь счастьем.

И только выйдя в звонкую весну,
Я осознал впервые привкус счастья.
Мне милый ангел в душу заглянул
И напоил меня нектаром страсти.

Меня питает ангел много лет,
Но я теперь живу другой любовью.
Ее храню, как ценный амулет,
И ей пишу божественную повесть.

Оглавление

Отчего...	3
Благодарность женщине	4
Я не люблю	5
Вокзал, перрон, вагон	6
Взгляд, цветущий ожиданием	7
Не ищи, а люби	8
Тобой не дорожу	9
Общение с морозом	10
Багряно-огненный закат	11
Шальные мысли	12
Инверсионные следы	13
Милый мой	14
Позднее признание	15
Признание	16
Стон души	17
На кладбище	18
С добрым утром, любимая	19
Я пишу...	20
Твой образ	21
Милой женщине	22
После 8-го марта	23
Прощание в дождь	24
Отблески любви	25
Дочурка	26
Нелепейший вопрос	27
Если б не было любви...	28
Как трудно осознать...	29
Водная феерия	30
Деньги...	31
Женщина — мечта	32
Тоска	33
Хвори	34

На погосте	35
Я завидую белой завистью...	36
Культурный беспредел	37
Душе моей	38
Как хорошо...	39
Школьная дружба	40
Поэтический мрак	41
С добрым утром, милый друг	42
Чистый четверг	43
Мысленный сумбур	44
Обращение к солнцу	45
Пасха, пасха...	46
Колокольный звон	47
Сатанинское отродье	48
Нас было четверо...	49
Не нужно о смерти думать...	50
Разговор с мамой	51
Парк развлечений	52
Гнет одиночества	53
Я готов...	54
Подарок	55
Время	56
Налейте в фужеры	57
Банька	58
Эх, рыбалка ты, рыбалка	59
Ты — хорошая женщина	60
Голуби	61
Почему я такой...	62
Тихая нежность	63
Пожелание долгих лет	64
Прости, Нади...	65
Борзовеющая старость	66
Поэт и пенсия	67
Сомнения	68
Дворник	69
Есть женщины	70
Счастье	71

Восток	72
Стареющий поэт	73
Я куда-то улетаю... ..	74
Южная ночь	75
Месяц	76
Любовь в дыму	77
Жанна	78
А жить прекрасно... ..	79
Ты и отражение	80
Поэт слагает вирши... ..	81
Мне дано... ..	82
Не считай прегрешений... ..	83
Где-то... ..	84
Я любовь свою растратил... ..	85
Символ семьи, любви и верности	86
Разговор с компьютером	87
Напряженный нынче век... ..	88
Твое спасибо	89
На юбилее	90
Доброта теряет вес... ..	92
Амулет	93
А что я оставлю?	94
Ты же мать... ..	95
Что хочет женщина... ..	96
Поэт и Муза	97
Женское сердце	98
Светская львица	99
Древнее слово	100
Без вдохновения	101
Хорошо	102
Для любящей женщины	103
Мечты, мечты	104
Одна из множества невест	105
Где нежность корчится... ..	106
Регата на Неве	107
Без права воскрешенья	108
Время придет	109

Клубок сомнений	110
Мой милый друг	111
От дикости землян...	112
Я уйду в мир иной	113
Крылатые сыны России	114
Грустинка глаз	115
Воспоминания	116
Человеческая мудрость	117
Не уходи за горизонт	118
Пришла любовь	119
Моим друзьям	120
Вот снова мяч передо мной	121
Янтарь	122
В пучине моря	123
Сон в пасмурную ночь	124
А стоит ли...	125
Храни, о Боже...	126
Добро и зло	127
Окрыленная новь	128
Новый том жизни	129
Я пьяный...	130
Пессимист	131
Где моя большая кружка...	132
И снова небо людям мстит	133
Джо Дассен	134
Конкурс «Синяя птица»	135
Два ангела	136
Уж такой уродился	137
Я знаю...	138
Сохрани его, Боже	139
Безумие	140
Робкий стон Земли	141
Родная сторона	142
Когда мы были молодыми	143
Возрождение	144
Похоронная процессия	145
Удар в спину	146

Прости меня, моя родная	147
Письмо дочери	148
Не дари мне	149
Дорога в прошлое	150
Как жить?	151
Говорят	152
Летные сны	154
Жизнь свою насиловать не буду	155
В гости к одиночеству	156
Запах ссоры	157
Мой любимый праздник	158
Пробуждение	159
Мир иллюзий	160
Бездумное добро	161
Мне сегодня тоскливо и душно	162
Я не хочу... ..	163
Рифмоплет	164
Я ночь делю воспоминаньями	165
Молодость	166
Звень	167
Мороз и поцелуй	168
Целебный лучик	169
Золотая свадьба	170
Женское лукавство	171
Мне жизнь нередко задает... ..	172
Спасибо, друг... ..	173
Жизнь моя	174
Спокойно людям не живется	176
Я во Вселенной	177
Ласковая близость	178
Пляски на костях	179
Храпи, мой друг, храпи	180
Взгляд старушки	181
Моя поэзия меня переживет	182
Богатство	183
Смысл жизни	184
После праздника	185

Моя надежда	186
Мне семь десятков... ..	187
Буди меня... ..	188
Слово	189
Бобер и выдра	190
В свой юбилей	192
С вершины прожитых годов	193
Хочу	194
Улыбка	195
Старушка	196
Крик	197
Думы	198
Дым истории	199
Букет цветов	200
Луна	201
Шалости золотой молодежи	202
В Летнем саду	204
Балашихинское счастье	205
Болезнь	206
На Волгу выйду... ..	207
На даче	208
Лик милой женщины	209
Маме	210
Душевность	212
Толпа	213
На склоне лет	214
Побила жизнь меня... ..	215
Город детства	216
Река детства	217
Время писать	218
Огненный романс	219
Тревожный звон	220
Красносельский воздух	221
Эх, ты, душенька моя	222
Заходит солнце... ..	223
Раззудись мое плечо... ..	224
Страстный рассвет	225

Любовь не пятится назад	226
Блин	227
Возрождение	228
Ласковое море	229
Прощание с морем	230
Обращение к женщине	231
Утренний порыв	232
Первая учительница	233
Думы учителя	234
Детские воспоминания	235
Ключевое слово	236
Нет тебя	237
Первая близость	238
Душевный изумруд	239
Шавки	240
Словарный скарб перебирая	242
Праздник осени	243
Омут забвения	244
Мой стих	245
Единство	246
Наши миротворцы	247
Я верю... ..	248
Я поэзией делился... ..	249
Тревожное молчанье	250
Во имя матери и дитя	251
Любовь	252
Предновогодний ажиотаж	253
Люби меня, люби	254
Я готов	255
Как правы мудрые пророки... ..	256
Как жаль... ..	257
Читателям своим... ..	258
После концерта	259
У камина	260
Кричит душа... ..	261
Пролетели зрелые года	262
Любовь	263

Раннее пробуждение	264
Не для того... ..	265
Песнь поэтических умов	266
Обесцененный товар	267
Ах, Муза... ..	268
Две поэтических души	269
Старческие метаморфозы	270
В глазах голубых... ..	271
А мир все равно прекрасен... ..	272
Альбом	273
Америка	274
Ангел и демон	275
Апашка	276
Баба Вера	277
В канун Христова Рождества	278
Бежим куда-то... ..	280
Белая голубка	281
Большие деньги	282
Биография в 6 П	283
Беспутная жизнь	284
Братоубийственная война	285
В поисках женщины	286
Возвращение в юность	287
Взглянув на скромность... ..	288
Видение	289
Волчары	290
Вопли рублевской тусовки	291
Время и жизнь	292
Вячеславу Кузнецову	293
Где-то стонет земля... ..	294
Голубое небо	295
Два дня... ..	296
Гитара с порванной струной... ..	297
Два слова	298
День авиации	299
День рождения	300
Деревенская банька	301

Душевный мрак	302
Достоинство и честь	303
Думы в День космонавтики	304
Друг мой Невский	305
Душой открытой... ..	306
Женщина — весна	307
Желчь	308
Женский ангел	309

Георгий Скрипкин

Страницы лет перебирая